

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK3
A207

no 52 and 74
1881

Russian
Series

ИЗДАНІЯ ІМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ,
NO. 52 AND 74,
LII-LXXIV

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS

DK3
Q95

AUG 26 1975

Retain
cover.

ФАКСИМИЛЕ

ИЗЪ

СЛѢДОВАННОЙ ПСАЛТЫРН

XV ВѢКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1881

DK3

ОБРАЗЦЫ
ПИСЬМА И УКРАШЕНІЙ

ИЗЪ

ПСАЛТЫРИ СЪ ВОЗСЛѢДОВАНІЕМЪ

ПО РУКОПИСИ XV ВѢКА

ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ БИБЛИОТЕКѢ

ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ ПОДЪ № 308 (481)

СО ВВЕДЕНІЕМЪ

Ө. БУСЛАЕВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1881
ТИПОГРАФІА ДЮБРОВА, ТРОИЦКІЙ ПЕР., 32

DK 3
85

Троицкую рукопись, из которой предлагаются здѣсь снимки, впервые оцѣнили по достоинству Александръ Васильевичъ Горскій въ отношеніи удивительнаго разнообразія и необычайной оригинальности и затѣйливости письма и столько же разнообразныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ и замѣчательно изящныхъ украшеній въ главныхъ буквахъ и заставкахъ. Онъ же познакомилъ съ нею и меня еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда въ его кельѣ въ стѣнахъ Троицкой Лавры работалъ я надъ тамошними рукописями для своихъ филологическихъ изданій. Перелистывая драгоценную рукопись, мы любовались неожиданными переходами изъ одного почерка въ другой, отъ одного стиля въ украшеніяхъ къ другому, и съ интересомъ отгадыванія загадокъ или шарадъ увлекались въ распутываніи перепутанныхъ нитей хитросплетенія

тоннаго письма, добираясь въ немъ до смысла отдѣльныхъ буквъ и цѣлыхъ рѣчей. Издать въ свѣтъ въ точныхъ снимкахъ это богатое собраніе почерковъ и украшеній славяно-русскаго письма XV вѣка казалось намъ тогда несбыточною мечтою.

Желанію этому черезъ четверть столѣтія дано было осуществиться въ соотвѣтствующемъ драгоценному оригиналу роскошномъ изданіи Общества Любителей Древней Письменности, благодаря просвѣщенной щедрости графа Александра Дмитріевича Шереметева, имя котораго этимъ изданіемъ навсегда останется соединено въ нашей ученой литературѣ съ памятью объ ученыхъ предназначаніяхъ и келейныхъ досугахъ незабвеннаго описателя славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки.

Краткія свѣдѣнія о Троицкой рукописной Псалтыри съ перечнемъ содержащихся въ ней статей, составляющихъ такъ называемое возслѣдованіе, помѣщены въ Описаніи Славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры (Москва, 1878), во 2-й части, на стрр. 79—83, подъ № 308 (841).

Рукопись неполная, на 284 листахъ, на бумагѣ, въ четвертку, въ величину издаваемыхъ здѣсь снимковъ. Время написанія ея опредѣляется слѣдующими двумя мѣстами:

DK3
C785

Во первыхъ, на л. 283, въ послѣсловіи на греческомъ
языкѣ:

δεχου ἅγιε δημητρίε ἡγνατίου πο
νος. ἡΐτου.... 1) μῆν. δεκ. ἄ.
δοξα ση. κῆ. δοξα ση ὁ Θε μου αγιε
ἅγιε δημητρίε πρεζβερε ἡπε
ρ εμου, του αμαρτολου ἡγνατιου.
.....
γραφημα του αμαρτολου ἡγνατιου η
σ ετου..... 1) μην. οκτωβριου ησ. β'.
Θου το θυρον κε ηγνατιου πῆνος:—
δεχου, τημιε σταβρε. κε ελεηησο με.

То-есть: «Прими, святыи Димитріе, Игнатія трудъ
года 6938 мѣсяца дек. 1. Слава Тебѣ, Господи, Слава
Тебѣ, Боже мой. Святыи, святыи Димитріе, помолишь
объ мнѣ грѣшномѣ Игнатіи. Письмо грѣшнаго Игнатія
начато года 693... (?) мѣсяца октябрия во 2. Вожій даръ
и Игнатія трудъ приими, честныи Кресте, и помилуй мя».

Во вторыхъ, среди самой рукописи, на л. 202 круп-
ною тончайшею вязью: «Книга сіа по дару и по благо-
сти Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа напи-

1) Въ обонхъ мѣстахъ означеніе года греческими буквами, см.
въ снимкѣ.

сана въ лѣто Великихъ Князей Ивана Васильевича и Ивана Ивановича Самодержцевъ рускія земля».

По первой лѣтописи рукопись окончена въ 1429 году, по второй написаніе ея относится ко времени между 1462 и 1490 гг., которое опредѣляется восшествіемъ на престолъ Іоанна III и кончиною Іоанна Іоанновича. Протворѣчіе должно быть объяснено тѣмъ, что первая списана съ древнѣйшаго оригинала, а вторая принадлежитъ писцу самой рукописи. Потому Троицкую Псалтырь слѣдуетъ относить, не означая года, просто ко второй половинѣ XV вѣка.

Въ XVI вѣкѣ принадлежала она князю Пѣнкову или Пенькову, какъ значится въ записи на оборотѣ перваго порожняго листа почеркомъ того вѣка: Княжъ Михаила Даниловича Пѣнкова. Надъ словомъ Михаила написано Александра. Въ упомянутомъ описаніи Троицкихъ рукописей объяснено такъ: «Бояринъ кн. Данило Александровичъ Пенько-Ярославскій скончался въ 1520 г.; Александръ—сынъ его, о Михаилѣ ничего неизвѣстно».

Рукопись состоитъ изъ двухъ частей, существенно отличающихся между собою и по письму и по стилю въ украшеніяхъ. А именно: лл. 1—4 съ чтеніями изъ Евангелія и лл. 41—167 съ текстомъ Псалтыри, принад-

DK3
85

лежать одному писцу и выдерживаютъ одинъ и тотъ же стиль въ своеобразныхъ украшеніяхъ изъ листьевъ и цвѣтовъ; что же касается до лл. 5—40 и отъ л. 168 до конца рукописи, то эта бѣльшая половина отличается отъ первой какъ письмомъ, представляющимъ смѣсь славянскаго почерка съ греческимъ, такъ и кинноварными и разноцвѣтными съ золотомъ украшеніями въ стиль славяно-русскихъ орнаментовъ XV вѣка. Эта половина—главная; въ нее входитъ первая, какъ составная ея часть. Можно думать, что онѣ соединены вмѣстѣ случайно, только переплетомъ, который самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго.

Объ вышеприведенныя лѣтописи принадлежать къ бѣльшей, второй половинѣ.

Хотя по языку и системѣ правописанія обѣ половины вообще представляютъ между собою большое сходство, однако такъ какъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ онѣ и отличаются одна отъ другой, то я предпочитаю о каждой сказать отдѣльно, касаясь только самыхъ характеристическихъ примѣтъ ¹⁾).

Сначала о первой, меньшей половинѣ.

¹⁾ Чтобы не пестрить печать, не ставлю надстрочныхъ знаковъ въ приводимыхъ примѣрахъ, кромѣ титлѣ и знака при опущенной полумасной.

1. Постоянно употребляется большой ѣ, неіотиrowанный, преимущественно въ мелкоѣ письмѣ, а не въ крупномѣ. Вообще употребляется правильно: напримѣръ мѣжъ, на пѣти, гѣбитель, вѣдетъ, 41. неправдѣ, въ ѣмѣ 44 об. на широтѣ, пѣти 50 об. всѣмѣ жрѣтвѣ 52 об. вынѣ 62 об. пагѣвѣ, вѣдѣть 63 об. клѣтвѣ 128. рѣка 128 об. 153. положѣ, на пѣти 129. сѣдѣбамѣ 133. пѣчиною 153. Впрочемъ часто употребляется и неправильно, какѣ напр. сѣкрѣшитсѣ 62 об. емѣ 149. по чиноу мелѣхисѣдековѣ 129. сѣкрѣши 153; или же не ставится тамѣ, гдѣ нужно; напр. вѣпрашахоу 63 об. лоукавамѣ 63 об. лоукавш 86. лоукаваа 128. мѣтвѣоу мою 87. сѣмоутихѣм 99 об. прѣкленѣоуть 128 об. си лоу 153. Иногда въ одноѣмъ и томѣ же словѣ или въ согласованіи двухѣ словѣ и правильно и неправильно; напр. вѣдоу 50 об., шѣснѣю, шѣсноуѣ 129. дѣшѣ мою 128 об. Что касается большаго юса іотиrowаннаго, то за полнымѣ отсутствіемѣ его онѣ замѣняется неіотиrowаннымѣ, согласно принятому въ этой рукописи правилу опускать іотацию и при другихѣ гласныхѣ, о чемѣ будетѣ сказано ниже.

2. Малый ѣ принять тоже, только неіотиrowанный, и въ употребленіи его ничѣмѣ не отличается эта рукопись отѣ письма русскаго, т.-е. съ такими же ошибками;

напр. ѿахса 128. вѣсташа 63 об. рѣша, быша 86. по
вѣдаша 86. 101, вѣ ѿахса, вѣсташа, рѣша, быша-
повѣдаша. Но вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ она такую ха-
рактеристическую примѣту, которая принадлежитъ пись-
му болгарскому, не только среднему, но и древнему. Это
именно употребленіе ѡ вм. ѡ или ѡѡ, т. е. смѣшеніе ихъ
между собою; напр. вѣсѡа 41 об. погрѣженѡа дѣшоу
мою 164 об. бѡва 62 об., вм. вѣсѡѡа, погрѣженѡѡа,
благословѡѡа.

3. Полугласныя з и ѣ ставятся по-болгарски послѣ
группы согласныхъ, оканчивающейся на лили р, и при-
томъ по-болгарски же з употребляется вм. ѣ; напр. исп-
лнисѡ 1 (въ Остром. Еванг. исплѣнисѡ). сврѣшилѡ
44 об. прѣстѣ 44 об. врѣхъ 44 об. прѣвѣна 99 об. испл-
нить 129. шплѣченіе, прѣсты, млѣнѣа 149. взврѣже, вз
чрѣмлѣмѣ мори 153.

4. Особенно распространено сербское правописаніе съ
ѣ вм. з на концѣ словъ; напр. неѣтивыхъ, грѣшныхъ 41
ровъ, всѡкъ, врѣхъ 44 об. врагъ 47 об. своихъ 48. вз
оустнахъ льстивахъ 49. вз ѡстѣхъ моихъ, ѡ всѣхъ, газыкъ
ихъ 62 об. законъ, ѡ чадѣ ихъ, намъ, слышахомъ 101.
твоихъ 129. вз вѣкъ 133. застоупникъ, ихъ, осно-
вахъ 149.

доутса врази его 89, въ исправл. расточатса LXVII, 1; пренеможе дхъ мши 99 об., въ испр. малоушествоваше LXXVI, 4; облыгающа мѣ 128, шблыгающеи мѣ срамѣ 128 об., въ испр. шболгающихъ мѣ, оболгающа мѣ въ срамотѣ CVIII, 20. 29; жезаз силы послан ти гѣ 129, въ испр. послетѣ ти СІХ, 1; и долѣши посѣтъ врагѣ твоихъ 129, въ испр. господствѣи СІХ, 2. юнныи 133, въ испр. юнѣишій СХVIII, 9; на рѣцѣ вавѣлоньстѣи 145, въ испр. на рѣкахъ вавѣлонскихъ СХХХVI, 1.

11. Изъ замѣченныхъ мною ошибокъ указываю, напр. не забѣтъ дѣ, не бѣтъ 101, не забѣдѣтъ дѣлз, не бѣдѣтъ LXXVII, 7 и 8; поккваша 128 об. вм. покнваша CVIII, 25. Изъ погрѣшностей, можетъ быть допущенныхъ въ снимкахъ, замѣчу л вм. а: свѣденіа его 133, вм. свѣденіа, испр. свидѣніа СХVIII, 2.

12. Въ заключеніе хотя я обращаюсь опять къ гласнымъ, но замѣчаніе мое касается не языка и правописанія, а условныхъ пріемовъ каллиграфіи, изъ которыхъ одинъ состоитъ въ связи съ орнаментациею буквъ, а два другіе въ начертаніи буквы и. Къ орнаментации принадлежить въ строчныхъ буквахъ начертаніе о съ крестомъ или точкою и ш съ двумя точками, по точкѣ въ каждомъ кружкѣ; а именно: о съ крестомъ внутри принять въ словѣ окрѣтъ (т. е. окресть), л. 47 об., соответствующ-

щемъ по самому смыслу своему этому знаку; о съ точкою для слова око, л. 60, въ единственномъ числѣ, а для двойственнаго числа употребляется или два о, каждое съ точкою: оочи 47 об., или ѡ, съ точкою въ каждомъ овалѣ: ѡчи 99 об. Продолженіе этой же іероглифики предлагается въ начертаніи слова многоочити, во второй половинѣ рукописи на л. 243 об. Слово это, помѣщенное въ самомъ концѣ снимковъ съ киноварныхъ заглавныхъ буквъ, даетъ сгруппированнымъ въ серединѣ его оникамъ съ точками уже видъ настоящаго орнамента. Надобно замѣтить впрочемъ, что о съ точкою ставится, хотя и рѣдко, въ началѣ и другихъ словъ, какъ напримѣръ оплзчитса 62 об.

13. Какъ въ этой половинѣ рукописи, такъ и въ другой, иногда вмѣсто и безо всякой причины ставится v, съ двумя надъ нею черточками; напр. оѡзрѣтъ 86, снимокъ 9.

14. Нынѣ принятый обычай ставить десятичное і передъ гласными господствуетъ во всей рукописи, какъ твердо установившееся правило школы, за весьма немногими описками и недосмотрами. Напр. цѣлѡваніе 1. Іоудшвз 1. Маріамз 1, 3, 4. Іѡсифз 3 (въ Остромир. Еванг. июдовз, арна, носифз). гананіа 101. поношеніе 128. пріатнз 165 об.

Вторая или бóльшая половина рукописи по языку и грамматикѣ, или школѣ правописанія, во всемъ согласна съ первой, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ за симъ примѣровъ, которые для удобства въ справкахъ я располагаю по возможности въ томъ же порядкѣ рубрикъ.

1. Большой юсъ, тоже только неіотированный. Употребленъ правильно; напр. дшѣ, лжквы 38 об. внѣтръ 181 об. жами 195. лжкы, бѣжъ 201. Ошибки, напр. ютровѣ 192 об. вм. жтровѣ. ѡцѣ поклонимся 194 об. вм. отьцѣ. Въ согласованіи словъ правильное окончаніе стоитъ рядомъ съ неправильнымъ; напр. несъзданныѣ и єдносѣщныѣ трѣцѣ 38 об. на рѣкѣ двѣчѣ 212 об. (двойств. число).

2. Малый ѣ, тоже неіотированный, по-болгарски вмѣсто ѣ; напр. въ словѣ жтроба вм. жтроба: жтробы твоєѣ 170. въ жтровѣ 217. блгожтробнаго 189 об. блгожтробенъ 207. Въ окончаніяхъ: звѣзда видѣвшє 212 об. вм. звѣзда. дшѣ свою 195, вмѣсто дшѣ. Особенно послѣ гласныхъ, вмѣсто іотированнаго ѣ; напр. въ древнюю красотѣ вѣжественномъ добротомъ смѣси 182, вм. въ древнныѣ красотѣ вѣжественномъ добротомъ смѣси. Иже во аще хощеть дшѣ свою спѣсти погубить ѣ, иже аще погубить дшѣ своѣ шверщеть ю 195, вм. погубить ѣ, дшѣ своѣ, ѣ. вѣромъ 195, вм. вѣромъ. помщамъ 201, вм. пощамъ. во-

DK 3
85

лѣм, славомъ 207, вѣ. волѣнь, славомъ. вгѣтѣчнѣмъ звѣзда
видѣвшѣ 212 об. вѣ. вгѣтѣчнѣмъ. двѣмъ 213 об., вѣ. дѣ-
вомъ. свѣтопріемнѣмъ свѣщѣ 214 об., вѣ. свѣтопріемнѣ-
нѣмъ свѣщѣ. работомъ 217, вѣ. работомъ. бѣговѣствѣмъ ти
радость 217, вѣ. бѣговѣстоумъ. припадающѣ 223, вѣ.
припадающѣ. добротѣ твоѣмъ бѣжтѣмъ 259, вѣ. добротѣ
твоѣмъ бѣжтѣмъ.

3. Полугласныя з и ь употребляются въ группѣ со-
гласныхъ съ л и р такъ же по-болгарски, какъ и въ пер-
вой половинѣ; напр. Ѡвръгшенемъ 26 об. Ѡвръземъ 27
об. трѣпѣти, грьдынемъ 38 об. прѣвыи 177 и 253. прѣ-
вѣю 217. Съ буквою з по-болгарски же, вѣ. ь; напр.
дръжати 27 об. дръзновеніѣ 38 об. дръзнѣ 172 об. дръ-
жавѣ 211. дръзновеніѣ 213 об. сѣдръжаци 238. дръжавъ
253. Опущена полугласная: Ѡвръгшии б, т.-в. Ѡвръгз-
шимъ. државы 280 об., т.-в. државы; вмѣсто Ѡвръгз-
шимъ, државы.

4. По-сербски ь на концѣ словъ, вѣ. з, такъ же силь-
но распространено, какъ и въ первой половинѣ. Напр.
намъ, быхомъ, любимъ 26 об. намъ, вамъ, быхомъ 35
об. источникъ 169. грѣхъ 174 об. многихъ, оумъ 176.
причастити прѣтѣмъ твоимъ таинамъ 177 об. изъ мртѣ-
выхъ, намъ 188. чѣмъ 129 об., 213 об. славимъ 222 об.

неѡстѡпимъ 223. оублжимъ 238. вззопіемъ 245 об.
взспоимъ 253. храмъ, пріемлемъ 280.

5. Такъ же, какъ и въ первой части, полугласныя з и ь употребляются и по древней грамматикѣ, и опускаются — по новѣйшей, равно и переходятъ въ о и є; наприм. долготръпѣливъ 172 об. вм. длзготръпѣливъ. весь оуказъ 184 об. поклонимѡ 188, вм. поклонимъсѡ. исполнисѡ 189 об., вм. исплзнисѡ. воѡсви 212 об., вм. влзсви. весь 213 об. ѡа невоѡстимаго вмѡстилище 213 об. вм. невзѡстимаго взмѡстилище. во кровѣ весь 217. предотече 263 об. предостомъ 280 об. — Замѣчательно употребленіе з вмѣсто ь въ словѣ аминъ, по греческому произношенію, какъ оно писалось только въ самыхъ старыхъ нашихъ памятникахъ, напр. въ Острог. Евангеліи, и потомъ очень рано перешло уже въ аминь. Возвращеніе къ древнѣйшему начертанію объясняется греческимъ вліяніемъ погреченной школы славянскихъ писцовъ, къ которой принадлежитъ наша рукопись.

6. При правильномъ употребленіи буквы ѣ очень часто встрѣчается и замѣна ея буквою є, напр. телесно 177. телѡ 222 об. телеса 280 об. Заслуживаетъ вниманія слово вѣтіа 213 об., вм. витіа. Болгарское правописаніе ѣ вм. та такъ же встрѣчается, какъ въ первой половинѣ; напр. забавляюцимъ, сзтворѣеть ѡ. исправляѣщи 38 об.

DK 3
785

7. При столь же распространенномъ, какъ и въ первой части, употребленіи неіотированнаго а послѣ і и другихъ гласныхъ, какъ напр. пріателище 209, таковаа 211, — особенно заслуживаетъ вниманіе переходъ малаго ѡ, замѣняющаго ѣ большой, въ неіотированное а, тоже послѣ і; напр. непокровенною мысліа ѡ, вм. мысліѡ или мысліѣ. вопіаціѣ 213 об., вм. взпѣціихъ или взпѣціихъ. завистіа 217, вм. завистіѡ или завистіѣ. вопіаще 223, вм. взпѣще или взпѣще. кровіа 245 об., вм. кровіѡ или кровіѣ.

8. Очень замѣтную особенность южно-славянскаго произношенья буквы ы, какъ и, предлагаютъ слова високын и висота вм. высокын и высота; напр. високын, къ висотѣ 213 об. висота 247 об. дивны висоты морьскыѡ, дивенъ въ високыѣ гь 169.

9. Съ другой стороны, несомнѣнный признакъ русскаго говора видимъ въ полногласной формѣ володимере, и при ней на той же страницѣ владимере 280 об.

10. Въ употребленіи согласныхъ заслуживаетъ вниманія: 1) по древнему со вставною д между з или с и р: разрѣши 186 об. разрѣшеніе 217. 2) Несмягченная группа ск вм. ц: тако ѡу въсноуюющѡ, искоуюю кого поглотити ѡ, вм. ниццоу. 3) Ёва и Ёва: прабабы ёвы 184 об. зми прельсти ёвѣ 217. 4) к вм. х: застоуп-

нице кртыаномь 225. 5) Удвоение т въ словѣ итти 195, ви. ити. 6) Смягчение д въ ж, по русскому говору, ви. жд: стражеть 25 об. трѣжающей, чюжалъ 27 об. стражюши 38 об. зижителю 169. прихожю 173, 177. жажѣю, жажан 185. одѣжа 213 об. рожинсѣ, преже 189 об. 7) По областному русскому говору съ ч ви. ц написано слово стѣтотерпѣча 280.

11. Какъ въ этой половинѣ рукописи, такъ и въ первой гортанныя слагаются какъ по-древнему съ ы, такъ и по позднѣйшему съ и; напр. кими хитростями моуки избоудѣ 26 об. киева 280 об.

12. Изъ массы древнѣйшихъ грамматическихъ формъ, которыми обилуетъ и эта большая половина рукописи, для примѣра привожу слѣдующія: ноцию же и днѣю 8, ви. дньмь, т.-е. днсмъ. ѡзами темничными 195, съ краткимъ окончаніемъ, ви. темничными. вѣдѣ 177, 1-е лицо ед. числа ви. вѣмь.

13. Изъ отступленій отъ принятаго нынѣ текста, напр. всѣмъ тѣмъ быша: и безъ него не бы ни что еже бы (въ Острог. Еванг. и безъ него ничто же не бысть); въ исправл. и безъ него ничто же бысть, еже бысть Іо. I, 3. да възкрнеть бѣ и разыдѣтсѣ врази его 190. 193 об. 252, ви. расточатсѣ врази его. Пасха всетнаѣ намъ восіа, Пасха радостію дрѣгъ дрѣга примемь 194. вз-

DK 3
085

скрєніа днѣ, просвѣтѣмъ торжєствомъ, и дрѹгъ дроу-
га приємъ 194, вѣ. обывемъ. Ѥъ взскрєє изъ мрѣ-
вѣ. смєртїа на смрѣть настѹпи 194, смрѣтіа на смрѣть
настоупи 190.

14. Замѣченныя мною ошибки: изъ глѹбнкы 223, вѣ.
глѹбины (глѹбины). напрѣснккз 238, вѣ. напрѣсникз.
на прѣсв 238, вѣ. прѣси. да паачетсѣ 280 об., вѣ. да
плачєтсѣ.

15. Вообще принять за правило тотъ-же прїємъ въ
начертанїи десятеричнаго і передъ гласными, что и въ
первой половинѣ рукописи, напр. ѿврѣженїє, шчрѣненїє,
житїа, шдѣнїа 5. Замѣтное исключенїе изъ этого пра-
вила представляютъ лл. 6—23 об., въ которыхъ удер-
живается старїй обычай употребленїа передъ гласными
осмеричнаго и. Такъ напр. на одной страницѣ 6-го л.
встрѣчаемъ: оупокєннє, стѣжаниа, житїю (bis), житїа.

16. Въместо и і употребленїе жицы ѵ, съ двумя чер-
точками надъ нею; напр. семь разъ въ трехъ строкахъ:
сѹпротївнѣка. стѣмѹ твоимѹ молитвами црѣствїю бжѣю
прѹчастїѣка ма сѣтвори. съ всѣми стѣми 222 об., снї-
мокъ 53.

17. Въместо є иногда употребляется начертанїе, сходное
съ нашимъ оборотнымъ э; напр. на листѣ 217, снимокъ 52.
Смотр. ниже примѣчанїе къ транскрипціи этого снимка

18. Для характеристики письма слѣдуетъ замѣтить употребленіе единицы (I) вмѣсто аза (a) въ означеніи одного или перваго: почасиѣ .I. часа. рчѣ мѣтѣноу, и тутъ же на полѣ: I .ā. л. 168, снимокъ 12.

19. Въ этой ббльшей половинѣ писецъ постоянно переходитъ отъ славянскаго почерка въ греческій, какъ въ самомъ текстѣ и заглавіяхъ, такъ и въ мелкихъ припискахъ въ низу страницъ. Напр. лл. 5, 188, 189 об. 190 и ин. др. Смотр. снимки 4, 13, 14, 50. Въ этомъ отношеніи описываемая мною рукопись во всей очевидности представляется намъ звеномъ, соединяющимъ нѣкоторыя изъ принятыхъ въ нашу скоропись буквы съ начертаніями скорописи греческой, каковы напр. *α* и *δ*.

Наконецъ 20. Письмо этой рукописи, по вліянію греческой грамматики, относится къ той школѣ писцовъ, которые усвоили себѣ и распространили въ славянской письменности греческій обычай, сверхъ затѣйливыхъ сокращеній и титлъ, уснащать письмо различными надстрочными знаками, каковы оксія, варія, слитная и другія разныя черточки и крючечки. Рукопись, мною разбираемая, принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ тѣмъ, какія служили образцомъ для справщиковъ и корректоровъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ, а черезъ эти послѣднія и доселѣ оказываютъ свое вліяніе на систему

DK 3
085

надстрочныхъ знаковъ и въ нынѣ принятой церковно-славянской печати.

Такимъ образомъ рукопись эта по языку и грамматикѣ предлагаетъ намъ искусственную смѣсь русскаго элемента съ поглащающимъ его элементомъ южно-славянскимъ, а по почерку и приемамъ письма относится къ школѣ погреченной, греко-южно-славянской.

Гдѣ была написана эта рукопись, въ Россіи или на Аѳонской горѣ, или же гдѣ въ другомъ мѣстѣ у южныхъ славянъ, и кто были ея писцы, изъ русскихъ ли, которые настолько подчинили свой родной языкъ искусственной смѣси сербо-болгарскихъ формъ, что уже не могли вразумительно прочесть то, что писали, или же изъ южныхъ славянъ, вѣроятно болгары, которые старались дать своему средне-болгарскому письму болѣе правильнѣй грамматическій видъ, то есть, самый искусственный и самый далекій отъ живой рѣчи: предоставляю эти вопросы рѣшить другимъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что Троицкая Псалтырь между другими многочисленными вкладами южно-славянскаго письма въ нашу древнюю литературу составляетъ ея неотъемлемое достояніе, какъ по упомянутой выше лѣтописи, относящей ея написаніе ко времени Самодержцевъ именно Земли Русской, такъ и по внесеннымъ въ возслѣдованіе Псалтыри цер-

*

ковнымъ славословіямъ русскимъ угодникамъ: св. Варлааму Хутыискому, св. Сергію Радонежскому и свв. князьямъ Владиміру, Борису и Глѣбу, лл. 237 об., 280 и об.; смотр. снимки.

Впрочемъ все достоинство описываемой рукописи и ея важное значеніе въ исторіи нашей письменности состоитъ не въ языкѣ и грамматикѣ, а въ ея каллиграфическихъ качествахъ и украшеніяхъ. Въ этомъ отношеніи она представляетъ явленіе небывалое, единственное въ своемъ родѣ.

Изъ предлагаемыхъ здѣсь снимковъ достаточно явствуетъ каллиграфическое искусство писцовъ въ изобрѣтательности самыхъ разнообразныхъ, оригинальныхъ и иногда замѣчательныхъ по изяществу почерковъ. Это настоящее собраніе прописей или образчиковъ каллиграфіи.

Писецъ будто постоянно занятъ мыслию какъ-бы развлечь себя, позабавить и усладить въ своей трудной и однообразной работѣ переписыванія, постоянно замышляя какъ бы ему на слѣдующей строкѣ перейти изъ одного почерка въ другой, какъ бы изобрѣсть какуюнибудь небывалую рѣдкость. То онъ выводитъ строки изъ длинныхъ голенастыхъ заглавныхъ буквъ, которыя какъ великаны поднимаются изъ приземистаго строя обыкновенныхъ строчныхъ буквъ, то расширяетъ ихъ не въ

и́бру, такъ что онѣ теряютъ характеръ кирилловскаго письма, получая стиль письма арабскаго или какого другаго восточнаго. То онѣ пишутъ самымъ тонкимъ мелкимъ шрифтомъ, замаскировывая славянское письмо крючковой скорописью греческою; то задаетъ новую задачу своимъ читателямъ въ самой крупной вязи, въ которой длинныя буквы начинають десятиами буквъ мелкихъ, или ухищряется на поляхъ страницы цѣлую рѣчь вмѣстить въ одну букву, которую, на такъ называемый волошскій манеръ, вытягиваетъ вертикальною полосою, наполненною сливающимися между собою линиями буквъ, до того затѣйливо сложенными, что нѣкоторыя изъ такихъ начертаній и до сихъ поръ остаются неразобранными.

Всѣ эти каллиграфическіе опыты разнообразныхъ почерковъ раздѣляются на двѣ главныя группы по тѣмъ же двумъ половинамъ рукописи, которыя я уже намѣтилъ прежде. Образцы первой предлагаются въ снимкахъ съ лл. 1, 3, 4, 41, 44 об., 63 об., 86, 87, 98, 99 об., 101, 128, 128 об., 129, 133, 149 и 153. Образцы, второй половины въ снимкахъ съ лл. 5, 6, 23 об., 25 об., 26 об., 168, 188, 189 об., 190, 204 об., 207, 209, 211, 213 об., 217, 222 об., 223, 237 об., 238, 245 об., 253, 280, 280 об., 281 об., 282 и 283.

Чтобы облегчить прочтеніе болѣе неразборчивыхъ почерковъ, я даю здѣсь нѣсколько транскрипцій издавнаго въ этихъ снимкахъ текста.

Листъ 1, снимокъ 1. Еванг. отъ Луки I, 39—56.

Въ врѣмѣ шъ въставші маріамъ *) въ
днѣ тыи. иде в горнѣмъ съ тѣмъ
мъ, въ грѣ іоудѣ. и вииде въ (а)ѡ
захаріинъ, и цѣлова елисаветъ,
и бысть тако оуслыша елисаветъ
цѣлованіе маріинно възыгра
сѣ младенецъ въ чрѣвѣ еѣ. исплз
нисѣ дѣа стѣ елисаветъ. възвпн
гласомъ велимъ. и рече блѣвена
ты въ женахъ. и блѣвенъ плш
чрева твоего, и ѡкоудоу мнѣ се
да прїидеть мѣи гѣ моего къ мнѣ.
се во тако бысть гласъ цѣлованія твоего
въ оушїю моею. възыграсѣ младене
ць радощамі въ чревѣ моемъ. и
блѣжена таже вѣршавши. такъ боу
деть свершеніе. гланнымъ еи ѡ гѣ.
и рѣ мріамъ. величить дше моа

*) Въ этомъ почеркѣ ѡ и ѡ рѣдко отлччаются между собою.

гѧ. и възрадовасѧ дхъ мои ш възѣ
спсе моем. тако призоу на смиреніе ра
бы свшеѧ. се бо ѿ нынѣ блажат мѧ
вси ршди. такъ створи мнѣ величіе силь
ныи. и сто имѧ его. и пребѣ же
мріѧ с нею. тако три мѣа. и възврати
сѧ въз дѡ свои.

Листъ 3, снимокъ 2. Еванг. отъ Луки I, 26—29.

Въ мѣць шестын посланъ бѣ архангелъ гаври
лъ ѿ ба въз грѧ галилисѣ къ, смѣ
же имѧ назаротъ къ двѣ обрѣченѣ
и моужеви. емоу же имѧ іушиѡз
ѿ домоу двѣа и имѧ двѣ маріамъ
и више к неи аггелъ рѣ рѣчисѧ шбра
дованнаѧ гѣ с тобою блѣе
на ты въз женѧ. шнѧ ви...

Листъ 44 об., снимокъ 35. Псал. VII, 12.

Бѣ сѣдатель праведенъ и крѣпокъ и длзгъ
тропѣливъ. и не гнѣвъ навшдѧ на всѧ...

Листъ 63 об., снимокъ 36. Псал. XXXIV, 1—3.

Гоуди гѣ швидѧщимъ мѧ възбра
ни шрюцаѧ мѧ. прѣими шроужіе и ци
тѣ. и възтани въз помощь мшю. изсѣ...

Листъ 86, снѣмокъ 9. Псал. LX, 6—9.

оутвердиша себѣ слово
 лоукавш. повѣдаша
 скрѣтити свѣтъ. рѣ
 ша ктѣ оузрѣтъ и
 хъ. испыташа
 безакѣнни
 є исчезѣ
 ша испыта
 ющєи исъ
 пытани
 ѡ. пристѣ
 пити члѣкѣ
 и срѣце глоубо
 кв. и възъ
 несетсѣ
 бѣ. стрѣль
 младєнє
 цѣ быша га
 звы ихъ †
 съмоути
 шасѣ въз
 си видѣ...
 † неизємѣѡша въз нихъ гзыщи ихъ.

Листъ 98, снимокъ 38. Псал. LXXIII, 22.

понишение твое еже ѿ безоумнаго ве...

Листъ 99 об., снимокъ 39. Псал. LXXV, 11.

LXXVI, 4—6.

исповѣсться тебѣ. и встану въ по...

.

и възвеселихся. възшуря

бѣхъ и пренемо

же дѣхъ мой. прѣ

варисте стражи

бы шчи мои.

сзмоутихся

и не глѣхъ

помыслихъ дни прѣзвѣна. и лѣ...

Листъ 128 об., снимокъ 11. Псал. CVIII, 25—31.

ша мѣ пшквиваша главами свѣи

ми пшмоси ми гѣ вѣе мои. и сѣси

мѣ по милости твоеи. и разумѣ

ють какъ рѣка твоя си. и ты сзтво

рилъ еси мѣ. прѣкленути тѣ, и тѣ

блѣши. възстаѣи на мѣ

пшстыдѣтсѣ. рабъ же

твой възвесѣ

литса. да шблекѸ
 тса шблыгаю
 цен ма сра
 мѸ. и шдежѸ
 тса. такш шде
 жѸю стоудом
 свшнмѸ. исп
 швѸмса гви зѸ
 лш оустѸ моими.
 и пшсрѸдѸ многѸ
 възсѸхвалю и.
 . тако ста шдеснѸю оувшгаго.
 спасти Ѹ гшнѸщнхѸ дѸ
 шѸ мою.

Листъ 217, снпшоеѸ 52.

ПшвелѸнное таниство. гримѸ врасоуми.
 во кршвѸ ішсифовѸ. скшрш
 прѸдѸта бесплштныи. глагш
 ма неискуснѸи браку. преклш
 нь сѸшженнѸмѸ небеса. вмѸ
 шавѸтѸста ¹⁾ нешмѸннш весь в тѸ. егш

¹⁾ Въ этомъ словѸ переводу оборотнымѸ Ѹ очень похожее на эту букву начертаніе въ подлинникѸ.

же видѣ в лшжеснѣхъ твоихъ при
 ѣмша рабнѣ сракъ ужаса
 юста свати ти. радунста ¹⁾ неневѣстнага

Что касается до заглавій и разныхъ приписокъ вязью и неразборчивымъ почеркомъ во второй половинѣ рукописи, то для облегченія въ прочтеніи ихъ предлагаю изъ сказаннаго Описанія Троицкихъ рукописей слѣдующія транскрипціи, которыя составлены хотя безъ наблюденія строгой точности въ передачѣ буквъ, но будутъ небезполезнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто пожелаетъ заняться разрѣшеніемъ этихъ каллиграфическихъ загадокъ.

Предварительно замѣчу, что еще въ то отдаленное время, когда я впервые разсматривалъ эту рукопись, кое-гдѣ была уже подписана новѣйшимъ почеркомъ транскрипція при текстахъ, трудно разбираемыхъ, между прочимъ и на лл. 1, 6 и 25 об., снимки 1, 5 и 7. Транскрипцію эту А. В. Горскій приписывалъ монахамъ, трудившимся надъ описаніемъ Троицкихъ рукописей.

Л. 5, снимокъ 4. Въ самомъ низу послѣдняя строка:
милосерде помилуй мя надшаго окаяннаго... ²⁾

¹⁾ Здѣсь выноска на полѣ, гдѣ крайне неразборчивымъ почеркомъ написано: невѣсто.

²⁾ Точками въ транскрипціи означено неразборчивое.

Л. 168, сн. 12. Заглавіе: *почасіе .I. часа. речеть молитву.*

Л. 188, сн. 13. Заглавіе: *въ святую великую субботу вечеръ при часи 10-мъ клеветъ сбравшеся.* Внизу не разобрано, кромѣ слова: *послѣдованіа.*

Л. 189 об., сн. 50. Внизу три строки. Первая вязь: *начало и поновленіе Христе Боже нашъ ты еси, обнови убо и мене окаяннаго, да возмогу угодная тебѣ творити владыко чловѣколюбче Господи, понеже убо твой есмязъ, Спасе спаси мяокаяннаго.* Вторая строка: *пѣснь красна Христу възскресеніа его, радости велики исполньшеся възпоимъ: славно бо прославися.* Послѣдняя строка съ приписками отдѣльныхъ слоговъ внизу: *о Христе мой, дай же ми образъ преже конца (?) покаятися къ тебѣ.*

Л. 190, сн. 14. На полѣ двѣ полосы словъ, набранныхъ въ одной буквѣ. Одна полоса разобрана такъ: *Послѣдованіе въ святую седмицу,* другая не разобрана. Внизу послѣдняя строка: *слава възскресенію твоему Христе Боже, слава царствію твоему Чловѣколюбче.*

Л. 204 об., сн. 15. Первая вязь: *Канунъ благоушщенію пресвятѣй Владычици нашей Богородици и Приснодѣвици Маріи.* Другая вязь: *Ка-*

нонъ нося краегранесеніе азбуковицы 1) гласъ 4.
ирмосъ: отверзу уста моя, и проч. Последняя строка
внизу: сіа убо тако събывиуся и тако симъ бы-
ваюцимъ нашему убо спасеніа пришедишу.

Л. 207, сн. 16. Вязью: въ пятокъ пятыя недѣли
поста святыя четыредесятница акаѳисто служ-
ба пресвятый Богородици Приснодѣвы Маріи.
вечеръ поемъ по обыч.

Л. 209, сн. 17. Первая вязь: канунъ радостенъ
пресвятый Богородици имѣа краегранесіе. Другая
вязь, подстрочная: поемъ тя пресвятая и славо-
словимъ рожество твое, умилосердися госпоже и
удиви милость на убозѣмъ и окаянномъ, помощ-
нице міру двая въ женахъ Владычице помози
госпоже моя. На полѣ полоса словъ въ одну букву—
не разобрана.

Л. 211, сн. 18. Заглавіе вязью: Кондаки и икосы
пресвятый пречистый преблагословенный Влады-
чици нашей Богородици Приснодѣвнй Маріи,
глаголются откровенною главою чести ради и
величества и любве ея къ намъ. Внизу подстрочная
вязь не прочтена.

1) Какъ здѣсь, такъ кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ письма вязью
ставится знакъ препинанія въ видѣ ферта.

Л. 218, сн. 24. Противъ заставки волошскою вязью *понедѣльникъ*.

Л. 223, сн. 19. Заглавіе вязью: *правило молебнѣ ко святѣй Богородици, сице поется: Царю небесный, трисвятѣе, по Отче нашъ Господи помилуй 12, приидите поклонимся*. На полѣ вертикальною полосѣю въ одну букву: *вторникъ*.

Л. 232, сн. 25. Противъ заставки: *среда*.

Л. 237 об., сн. 54. Внизу крупною вязью, перепеленною мелкими буквами, написанъ въ одну строку цѣлый стихъ: *Да молчитъ всяка плоть человѣча*. и т. д. Подъ вязью: *конецъ убо прииде канона преподобныхъ великихъ святыхъ*.

Л. 238, сн. 20. Заглавіе вязью: *мѣсяца септемврія на преставленіе Ивана Богослова, на Господи возвахъ стихиры, гласъ 2*. На полѣ вертикальная вязь: *четвертокъ*. Внизу подъ строками: *да переписавъ лучши мнѣстію убо преми. азъ Дѣво святая Богородице подѣ кровѣ твоей прибуваю вѣдѣ яко обря*.

Л. 245 об., сн. 21. Заглавіе вязью: *стихиры избранныя святымъ произволи*. На полѣ въ одной буквѣ: *пятокъ*. Внизу, при очеркахъ головы, рукъ и ногъ, написано вязью: *на молитву призывающе*.

DK 3

Л. 253, сн. 22. Заглавіе вязью: *канунъ отцамъ преподобнымъ гласъ 8. пѣснь 1. пѣснь 2.* Внизу: *твореніе Феодора Студита.* На полѣ противъ заставки вязью въ овалѣ буквы *С: субота... вся.*

Обращаюсь наконецъ къ украшеніямъ заставокъ и заглавныхъ буквъ и къ нѣкоторымъ другимъ художественнымъ подробностямъ.

Прежде всего долженъ я сказать, что вся эта художественная сторона рукописи состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самымъ письмомъ текста, и вмѣстѣ съ нимъ принадлежитъ къ одному времени и одной школѣ. Это явствуетъ изъ слѣдующаго анализа подробностей.

1. Заглавныя буквы, какъ раскрашенныя, такъ и киноварныя, въ большей части случаевъ изготовлялись прежде слѣдующаго за ними строчнаго письма. Это до очевидности замѣчается тамъ, гдѣ писецъ подгонялъ строки къ выступаюмъ и впадинамъ орнаментовъ заглавныхъ буквъ, которымъ подчинялъ такимъ образомъ свое письмо. Смотр. лл. 5, 26 об., 41, 87, 168, 209, 213 об., 217, 223, 238, 245 об. и 253, помѣщенные въ снимкахъ: 4, 8, 34, 37, 12, 17, 51, 52, 19, 20, 21 и 22. Точно также и оба всадника, которыми означены буквы *Я* и *А*, на лл. 207 и 211, въ снимкахъ 16 и 18, нарисованы прежде, чѣмъ были написаны строки

текста, которыми писецъ бережно окружилъ эти фигуры, съ видимымъ вниманіемъ, чтобы не замарать ихъ черными или киноварными буками.

2. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно явствуеъ, что заглавная буква, въ которой прилаживался текстъ, была нарисована прежде заглавія, писаннаго надъ текстомъ. Такъ на л. 188, въ снимкѣ 13, подъ заставкою заглавіе состоитъ изъ четырехъ строкъ: первая крупною и толстою вязью, а три слѣдующія греческою скорописью, изъ которыхъ верхнія двѣ выведены въ прямую линію, а нижнюю въ началѣ писецъ долженъ былъ пустить нѣсколько къ верху, чтобы не записать пурпуровыми буквами приподнятой верхушки раскрашенной буквы *B*.

3. Заставки и по рисунку и по краскамъ представляютъ полное согласіе въ стилѣ съ раскрашенными заглавными буквами, и потому должны состоять въ одинаковомъ съ этими послѣдними близкомъ отношеніи къ письму текста.

4. Иногда можно замѣтить, что заставку мастеръ работалъ послѣ того, какъ стоящая подъ нею заглавная буква была уже готова. Такъ на л. 190, въ снимкѣ 14, мастеръ слишкомъ низко помѣстилъ заставку, почему находившаяся уже подъ нею раскрашенная буква *B* такъ столкнулась своею верхушкою съ нижнимъ краемъ за-

DK 3
P 05

ставки, что не оставила мѣста для продолженія пурпуроваго бордюра, которымъ убранъ этотъ нижній край.

5. Иногда на страницахъ съ заставками писецъ пишетъ заглавіе вязью и скорописью, подстрочныя и на поляхъ приписки и даже самый текстъ тѣмъ же самымъ пурпуромъ, который употребленъ въ заглавныхъ буквахъ и въ нѣкоторыхъ изъ орнаментовъ заставки, какъ напр. на л. 188, 204 об., 238, въ снимкахъ 13, 15, 20. На л. 209, въ снимкѣ 17, пурпуръ въ заставкѣ и раскрашенной буквѣ нѣсколько порыжѣлъ, принявъ нацвѣтъ шоколадный: такую же точно краскою писаны и заглавіе и подстрочная вязь.

6. При одинаковой краскѣ въ письмѣ и украшеніяхъ иногда можно придти къ очень вѣроятному заключенію, что писецъ принималъ участіе и въ рисованьи и раскрашиваньи. Такъ на л. 190, въ снимкѣ 14, упомянутая выше, подъ рубрикою 4-ю, недоконченная кайма, или бордюръ, не только окрашена тѣмъ же пурпуромъ, какимъ писанъ текстъ и одна изъ приписокъ волошскою вязью, но и составлена изъ повторяющейся въ цѣломъ рядѣ буквы *z*, по начертанію своему во всемъ сходной съ тѣмъ, какъ она пишется въ текстѣ. На л. 245 об., въ снимкѣ 21, очерки рукъ, ногъ и головы и подпись вязью, на

нижней полѣ страницы, писаны одною и тою же краскою и, кажется, однимъ и тѣмъ же перомъ.

7. Нѣкоторые орнаменты, какъ непосредственное продолженіе работы писца, или входятъ въ составъ самого слова, какъ напр. куча ониевъ съ точками, на л. 243 об., въ словѣ *многочитіи*, или же въ концѣ абзаца вмѣсто точки, креста, черточка или какого другаго заключительнаго знака, — изящная фигура двухвостаго крылатаго дракона съ лапами, писанная киноварью, на л. 201. Смотри снимки въ самомъ концѣ киноварныхъ буквъ.

8. Не смотря на очевидный натурализмъ украшеній въ первой половинѣ рукописи, въ нихъ господствуетъ одна и та же архитектурная основа, какъ и въ крупномъ, голенастомъ письмѣ этой половины, какъ напр. на лл. 344 об., 63 об., 86 и др., въ снимкахъ 2, 35, 36, 9, а частію и въ томъ мелкомъ письмѣ, въ которомъ писецъ не оставляетъ своей манеры буквъ голенастыхъ, какъ напр. на л. 1, въ снимкѣ 1. Эта основа состоитъ въ тонкой вертикальной линіи, которую переменяютъ одна, двѣ или нѣсколько черточекъ. Этотъ одинаковнй приѣмъ стиля, господствующій и въ письмѣ и украшенияхъ, свидѣтельствуетъ о солидарности школы писца со школою орнаментиста.

9. Тѣми же порожѣвшими чернилами, какими писанъ

теветъ, поставлены надстрочные знаки (^ и ~) надъ буквой *ї*, въ ея украшенныхъ заглавныхъ фигурахъ, на лл. 45, 121 об. и 146. Смотри снимки.

10. Въ первой же половинѣ рукописи не разъ случилось, что писецъ долженъ былъ принимать на себя дѣло орнаментиста. Такъ на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, тѣми же чернилами, которыми писалъ онъ текстъ, бойко нарисовалъ и заглавныя буквы; на л. 133, въ снимкѣ 42, онъ начертилъ чернилами заставку и открасилъ ея тою зеленою краскою, которою кое-гдѣ покрыта и заглавная буква, тутъ же находящаяся. Рисовальщикъ составлялъ сначала самое нутро заставки изъ листьевъ и такъ оставлялъ свою работу, не обведя ничѣмъ пучки листьвы и травы, ни рамкою, ни даже полоскою, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43—обстоятельство, о которомъ подробнѣе будетъ сказано потомъ. Но писецъ, имѣя уже такую недоконченную заставку на своемъ листѣ, прежде чѣмъ начать на немъ писать текстъ, выводилъ киноварью заглавіе и тѣмъ же киноварнымъ очеркомъ обводилъ линіи со всѣхъ четырехъ сторонъ заставки, какъ на лл. 101 и 153, смотр. снимки.

Изъ сказаннаго достаточно явствуетъ солидарность между собою писцовъ и рисовальщиковъ опредѣляемой иною рукописи. Въ приведенномъ анализѣ я вовсе не хочу

доказать, чтобы помимо писцовъ не могло быть еще и специальныхъ мастеровъ, которымъ въ этой рукописи принадлежать лучшія изъ украшеній. Но въ ней такъ много этихъ украшеній въ началѣ многочисленныхъ главъ и въ абзацахъ самого текста, что не иначе можно дать себѣ понятіе о составленіи рукописи, какъ при одновременной и совмѣстной работѣ писца и рисовальщика.

Эту тѣсную связь между письмомъ и украшениями слѣдовало мнѣ установить для того, чтобы опредѣлить ихъ происхожденіе и характеръ. Если письмо носить на себѣ несомнѣнные признаки южно-славянскаго происхожденія, съ болгаризмами въ языкѣ, съ искусственнымъ правописаніемъ и съ погреченнымъ почеркомъ, то и самый стиль украшеній долженъ принадлежать, вмѣстѣ съ письмомъ, одной и той же школѣ. Я не думаю отнимать у русскихъ доли участія въ орнаментациі этой рукописи, но, на основаніи филологической и палеографической критики, эту долю могу допустить только въ той мѣрѣ, насколько она оказывается въ языкѣ и правописаніи.

Описываемая мною рукопись въ своихъ украшенияхъ предлагаетъ въ значительной полнотѣ и разнообразіи собраніе художественныхъ мотивовъ, которые даютъ славяно-русскому орнаменту въ XV вѣкѣ особенный, специально принадлежащій ему характеръ, рѣшительно и

рѣзко отличающій его отъ украшеній въ русскихъ рукописяхъ XIV вѣка. Для того чтобы яснѣе опредѣлить сказанное отличіе, я признаю нужнымъ предварительно помѣстить здѣсь общее понятіе объ этихъ послѣднихъ украшеніяхъ изъ моей рецензій, составленной по поводу известной книги французскаго архитектора Біолле-де-Дюка и критическихъ разсмотрѣній ея въ монографіяхъ гр. С. Г. Строганова и аббата Мартынова ¹⁾.

«Кому случалось перелистывать русскія рукописи XIII столѣтія до начала XV, тотъ конечно не могъ не обратить своего вниманія на замѣчательную выдержанность общаго имъ всѣмъ одинаковаго характера въ стилѣ украшенныхъ заглавныхъ буквъ и заставокъ. Это—затѣливое сплетеніе ремней и вѣтокъ съ разными фантастическими животными, съ птицами, у которыхъ иногда человѣческія головы, съ звѣрями, хвостъ которыхъ извивается вѣткою, оканчивающеюся листкомъ, особенно съ драконами и зміями, которые изъ своей пасти выпускаютъ вѣтку же, а своимъ хвостомъ перевиваютъ звѣрей и другихъ чудовищъ, наконецъ съ человѣческими фигурами, руки и ноги

¹⁾ *Русское искусство въ оплнкѣ французскаго ученаго, въ «Критическомъ Обзорѣнн» 1879 года, № 2.*

которых вплетены въ эти перевивы изъ ремней и змѣиныхъ хоботовъ. Существенною характеристикю стиля оказывается здѣсь нарушение или искаженіе и разложеніе естественныхъ формъ природы животной и растительной, при самомъ подчиненіи ихъ цѣлой группѣ, связанной извиціями, которыя то насильственно разсѣкаютъ эти формы, то съ ними сливаются такъ незамѣтно, что глазъ не можетъ услѣдить гдѣ оканчивается животное или растеніе и гдѣ начинается ремень, переходящій въ змѣю. Въ этомъ хаосѣ сплетеній всякая естественная форма принимаетъ видъ чудовища, которое однако рассчитано не на то, чтобы пугать воображеніе, а на то, чтобы затѣйливостью группы, или точнѣе симплегмы, произвести игривое впечатлѣніе. Стиль этотъ вполне соответствуетъ романскому на западѣ ¹⁾. XIV вѣкъ — есть цвѣтущая его

1) Этотъ стиль, съ крайней неточностью называемый романскимъ, господствовалъ съ самыхъ раннихъ среднихъ вѣковъ во всехъ европейскихъ странахъ, видоизмѣняясь въ каждой характеристическими особенностями. Потому и нашъ рукописный орнаментъ XIV, XIII и частію даже XII вѣка, относясь къ общему средне-вѣковому стилю, существенно отличается своими мѣстными примѣтами отъ ирландскаго, англосаксонскаго, вестготскаго, лангобардскаго и пр. Не касаясь вопроса о происхожденіи этого стиля, замѣчу, что онъ проявился уже въ полной своей энергіи въ орнаментахъ ирландскихъ рукописей даже VII вѣка. Сморг.: «*Westwood, Fac-similes of the miniatures and ornaments of anglo-saxon and irish manuscripts*». London. 1868. Таблицы 7—10.

эпоха у насъ, и именно въ орнаментѣ русскихъ рукописей. Въ теченіе цѣлаго столѣтія постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ привело къ замѣчательно художественной обработкѣ этихъ фантастическихъ группъ, связанныхъ игривыми линиями перевитія. Въ тонкомъ киноварномъ очеркѣ, фигуры эти, обыкновенно—бѣлыя, съ свѣтло-желтыми нѣжными полосками и съ черными кружками, чешуйками или черточками, выступаютъ на синемъ, красномъ или зеленомъ и даже на черномъ фонѣ».

Между изданіями Общества любителей древней письменности хорошіе образчики русскаго орнамента XIV столѣтія предлагаетъ факсимиль Требника, изданный въ 1878 году подъ № XXIV. Достаточно даже бѣлаго взгляда на украшенія этой рукописи, чтобы ясно видѣть и убѣдиться, что орнаментъ XV вѣка въ Троицкой Псалтыри ничего общаго не имѣетъ съ этими украшениями XIV вѣка и не состоитъ съ ними ни въ какой преемственной связи историческаго развитія.

Хотя обѣ половины описываемаго мною письменнаго памятника одинаково представляютъ рѣшительный контрастъ вышеизложенной характеристикѣ русскаго орнамента XIV вѣка; однако каждая изъ этихъ половинъ имѣетъ свои спеціальныя особенности въ украшеніяхъ, и орнаментисты той и другой идутъ по разнымъ пу-

тяжъ, хотя и стремятся къ одной цѣли создать новый стиль, отличный отъ того, который доселѣ господствовалъ. Потому, чтобы составить ясное понятіе объ этихъ украшеніяхъ, точное и раздѣльное въ его элементахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полное въ ихъ взаимной совокупности, надобно рассмотретьъ каждую изъ сказанныхъ половинокъ въ отдѣльности съ изложеніемъ по пунктамъ характеристическихъ особенностей.

И такъ, сначала обращаюсь къ первой половинѣ.

1. Украшенія заглавныхъ буквъ и заставокъ сначала нарисованы чернилами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оттѣнены чернильными же штрихами по способу, принятому въ г р а в ю р ѣ; затѣмъ гдѣ слѣдовало слегка покрыты а к в а р е л ь н о ю краскою, болѣе или менѣе тщательно, но всегда такъ, что сквозь нее пробиваются сказанные штрихи. Это манера новая, чуждая русскому орнаменту до XIV вѣка включительно. Исключеніе въ нашей рукописи составляетъ заставка на золотѣ съ человѣческой фигурою, на л. 41, въ снимкѣ 34. Тамъ орнаменты писаны цвѣтною гвашью и оттѣнены цвѣтными же штрихами и бѣлыми бликами.

2. Замѣченная выше тѣсная связь работы писца съ работою орнаментиста, отрывающаяся въ буквахъ не раскрашенныхъ, на лл. 1 и 3, въ снимкахъ 1 и 2, и въ тон-

кихъ и длинныхъ вертикальныхъ линіяхъ съ перемычками изъ черточекъ, должна дополнять характеристику приёма, указаннаго въ предыдущемъ пунктѣ.

3. Сравнительно со второю половиною рукописи, мастеръ располагалъ небогатымъ запасомъ красокъ, употребляя только зеленую съ вохрой и малиновую съ бурой, которыя всё вмѣстѣ на фонѣ выцвѣтшихъ чернилъ даютъ всѣмъ украшеніямъ бѣдный и линючій колоритъ изъ-желта-зеленовато-дичій и бурый, съ переходами въ малиновый. Это составляетъ также существенное отличіе художественнаго стиля нашей рукописи отъ яркаго колорита, вообще усвоеннаго русскимъ орнаментомъ. Исключеніе представляетъ упомянутая въ 1-мъ пунктѣ заставка на золотѣ, въ которой при большей яркости тѣхъ же красокъ прибавлены желтая и синяя, и еще заставка на л. 87, въ снимкѣ 37.

4. Не смотря на свою бѣдность, колоритъ этотъ вмѣстѣ съ штрихами гравировальной манеры, при замѣчательной выдержкѣ во всѣхъ украшеніяхъ, рассчитанъ на эффектъ рельефности рисунка и на живописную свѣто-тѣнь. Это еще новая черта, которой доселѣ не допускалъ и вовсе не зналъ русскій орнаментъ.

5. Въ противоположность тератологическому стилю со звѣрами, птицами, зміями и чудовищами, насильственно

излюбленный имъ листокъ и съ лицевой его стороны, и съ изнанки, и во всѣхъ его изгибахъ и въ легкихъ извиціяхъ его длиннаго заостреннаго конца. Чтобы быть вѣрну природѣ, онъ долженъ былъ отказаться и отъ ювелирныхъ приѣмовъ византійской перегородчатой эмали, и отъ каллиграфическихъ очерковъ киноварнаго узорочья русскаго тератологическаго орнамента, и изыскивалъ чисто живопишныя средства для передачи своихъ воззрѣній на природу. Отъ того его украшенія не блестятъ ни золотомъ, ни яркимъ колоритомъ, и не бросаются въ глаза роскошью и затѣйливостью убранства. Они рассчитаны на удовлетвореніе уже новыхъ требованій эстетическаго вкуса, который въ искусствѣ ищетъ природы и оцѣниваетъ художественное ея воспроизведеніе въ наиболѣе точномъ подражаніи ея формамъ. Въ этихъ же видахъ мастеръ отказывается себѣ въ традиціонныхъ пособіяхъ архитектурныхъ формъ рамки, столбика, базиса, капители, арки, и т. п., онъ не выводитъ при помощи этихъ формъ самой фигуры буквъ, а бросаетъ легкую вѣтку съ листомъ и стеблемъ или гирлянду, которая, вырѣзываясь на бѣломъ полѣ бумаги, сама за себя должна говорить, означая ту или другую букву алфавита. Что касается до заставокъ, то, какъ увидимъ ниже, онѣ даже сильно пострадали по отсутствію въ нихъ всякаго архитектурнаго строя. Вообще у

DK3
A95

мастера господствуетъ только принципъ живописный, безъ всякаго пособія формъ архитектурныхъ.

7. Этотъ новый творческій духъ натурализма, впервые проявившійся въ славяно-русскомъ рукописномъ орнаментѣ, не могъ въ одинаковой степени удовлетворительно выразиться во всѣхъ своихъ художественныхъ попыткахъ. Мастеръ успѣлъ совладѣть только съ очень немногими формами растительной природы, и потому могъ удержаться въ предѣлахъ натурализма только тогда, когда воспроизводилъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности. Но такъ какъ орнаментъ въ заглавныхъ буквахъ и заставкахъ подчиняется особымъ спеціальнымъ требованіямъ художественной архитетоники въ размѣщеніи и соединеніи подробностей; то чтобы удовлетворить эти требованія мастеръ, при очень ограниченномъ числѣ выработанныхъ имъ натуралистическихъ формъ, долженъ былъ встрѣчать непреоборимыя затрудненія, состоявшія въ томъ, какъ бы разрѣшить всѣ предстоявшія ему задачи въ построеніи изящнаго орнамента только при посредствѣ этого слишкомъ малаго запаса новыхъ формъ, и при томъ никоимъ образомъ не прибѣгая къ старой рутинѣ традиціонныхъ сочетаній орнаментовъ, византійскаго и предшествовавшаго славяно-русскаго. Впрочемъ иногда эти трудности мастеръ блистательно побѣждаетъ, и тогда орнаментъ его

поражаетъ замѣчательнымъ изяществомъ; но очень часто художникъ изнемогаетъ въ тщетныхъ усиліяхъ и прибѣгаетъ къ безобразному искаженію тѣхъ же натуралистическихъ формъ, уродуя ихъ настоящую фигуру или же неестественно ихъ сочетавая. Слѣдующее за симъ разсмотрѣніе заглавныхъ буквъ и заставокъ въ отдѣльности — должно выяснитъ сильныя и слабыя стороны этого новаго въ нашихъ рукописяхъ стили. Все лучшее оказалось только въ буквахъ; заставки же представляютъ одиѣ неудачи новыхъ попытокъ.

8. Уже самая фигура каждой изъ буквъ алфавита давала общій рисунокъ ея орнаменту и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіе, смотря по разнообразному начертанію каждой. Эту зависимость отъ каллиграфіи до осязательности наглядно обозначилъ орнаментистъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ изъ крупнаго почерка рукописи, какъ сказано выше, тонкую линію съ перемычками, которою постоянно и пользуется въ компановкѣ орнаментовъ, за весьма немногими исключеніями. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ съ большою бы безукоризненностью достигъ своей цѣли, если бы былъ не столько смѣлъ въ своихъ замыслахъ, и при бѣдности живописнаго матеріала не покушался бы на разнообразіе варіацій въ украшеніи одной и той же буквы, а ограничился бы самымъ малымъ числомъ рисунковъ для каждой

буквы. Для примѣра укажу на нѣкоторыя изъ особенно изящныхъ буквѣвъ, въ алфавитномъ порядкѣ, какъ онѣ здѣсь изданы въ снимкахъ: *Б* лл. 61 и 104; *В* лл. 41 об., 42 об. и 115 об.; *Г* лл. 42, 42 об., 43 об., 44, 114 и 147; *Ж* л. 112 об.; *И* лл. 45, 70, 121 об. и 146 об.; *К* лл. 107 и 139 об.; *Н* лл. 52, 59 об. и 65; *О* лл. 49 и 84; *Ѳ* л. 72 об.; *Р* лл. 64 об. и 135 об.; *С* лл. 56 об. и 91; *Т* л. 136 об., и *Х* лл. 150 об. и 152 об. Сверхъ того въ снимкахъ съ цѣлыхъ страницъ: *Г* лл. 44 об. и 99 об., снимки 35 и 39; *И* л. 98, сн. 38, и *С* л. 63 об., сн. 36. Орнаментъ оказывался неудачнымъ всякій разъ, какъ мастеръ искажалъ принятыя имъ натуральныя формы, или когда онъ растягивалъ и расширялъ листь, свертывая его чашкою или корзинкою безъ всякой симметріи, какъ напр. въ *Б* л. 69 об., *Д* л. 89; или разрывалъ его, въ видѣ трапеціи съ дырою посреди, какъ въ *Р* л. 78 об., *Т* л. 68 об., или когда въ одной и той же буквѣ соединялъ такой рваный листь съ безформенною корзинкою, и такой орнаментъ, не смотря на натуральную рельефность частей, въ цѣломъ представлялъ невзрачную фантастическую фигуру, какъ въ *В* л. 79 об. Кромѣ того мастеръ не всегда удачно умѣлъ сочетать вмѣстѣ принятыя имъ натуральныя формы, именно лисовъ съ лучами травы

или тычинокъ и завитковъ съ шипочками. Особенно неудачно повѣщаль онъ эти пучки на листахъ, какъ напр. въ *М* лл. 110 и 117 об., *О* л. 52 об., *П* л. 104 об., *Р* л. 61 об. Располагая мастеръ нѣкоторымъ запасомъ разныхъ формъ цвѣтка съ вѣткою, ему бы не пришлось такъ насиловать и искажать природу въ тѣхъ немногихъ экземплярахъ листы и травы, которыми онъ ограничился. При бѣгломъ обзорѣни, эта смѣсь изящныхъ фигуръ, поражающихъ своею натуральностью и красотой, съ какими-то уродливыми формами, будто недоносками или эмбрионами, какъ въ рисункахъ микроскопическихъ наблюдений анатоміи животныхъ и растений, — эта смѣсь безукоризненно прекраснаго съ безобразнымъ, по своей новосте и безпримѣрной у насъ въ старину оригинальности производитъ съ перваго разу изумленіе и недоумѣніе, и при всѣхъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ исторіи славяно-русскаго орнамента приходится отказаться отъ разгадки происхожденія и смысла этой небывалой новизны. Только подробный анализъ формъ и ихъ болѣе или менѣе удачное приспособленіе къ фигурамъ разныхъ буквъ дало намъ возможность оріентироваться въ этой смѣси прекраснаго и безобразнаго и усмотрѣть въ ней цѣлный рядъ артистическихъ попытокъ мастера, который пробуя свои силы съ большими затрудненіями достигалъ предпола-

гаемой имъ цѣли — создать натуралистическій орнаментъ. Этотъ принципъ, воодушевлявшій его творчество, долженъ былъ дать намъ мѣрило для критики его оригинальныхъ созданій. Опытъ такой критики можно было сдѣлать только надъ украшеніями буквъ, а не заставокъ, потому что наиболѣе самостоятельное и обильное разнообразіемъ творчество проявляется въ рукописномъ орнаментѣ преимущественно въ заглавныхъ буквахъ.

9. Теперь обращаемся къ заставкамъ. Если бы мастеръ не обнаружилъ своего высокаго таланта въ заглавныхъ буквахъ, или если бы отъ его работъ остались однѣ только заставки, то, судя по этимъ послѣднимъ, мы должны бы были составить себѣ вовсе не лестное понятіе о его безсильныхъ попыткахъ въ натурализмѣ, приведшихъ къ результатамъ самымъ неудовлетворительнымъ. Всѣ недостатки въ украшеніи заставокъ подводятся къ двумъ пунктамъ: къ подробностямъ, составляющимъ ихъ содержаніе, и къ сочетанію этихъ подробностей въ одно цѣлое. Въ первомъ отношеніи оказывается, что мастеръ, какъ нарочно, наполнялъ свои заставки преимущественно тѣми неудачными, искаженными формами, которыя, какъ замѣчено выше, были причиною безобразія въ орнаментации и многихъ буквъ. Чтобы занять большее пространство, онъ предпочелъ широкіе листы, разбухшіе, сверну-

тые въ формѣ корзижки, или распластанныя, разодранныя, иногда имѣющіе видъ попорченныхъ подъ прессомъ лепестковъ цвѣтка, когда они раскрашены у него разными красками, какъ на л. 87, въ снимкѣ 37. Болѣе удаченъ подборъ листы съ травомъ въ заставкѣ на л. 129, въ снимкѣ 41, но и тутъ примѣшались два листа уродливые. Во-вторыхъ, что касается сочетанія подробностей въ одно цѣлое, то мастеръ, лишенный поддержки алфавита, которымъ онъ до извѣстной степени руководился въ буквахъ заглавныхъ, предоставленъ былъ самому себѣ въ архитектурикѣ заставокъ, и оказался вполне безпомощенъ. Когда онъ принимался за сочиненіе заставки, видимо, не имѣлъ онъ въ своемъ воображеніи ничего опредѣленнаго и цѣльнаго, что должно имѣть свои опредѣленныя границы, очеркнутыя рамкою; потому онъ оставилъ нныя заставки вовсе безъ рамокъ, какъ на лл. 129 и 149, въ снимкахъ 41 и 43; изъ нихъ нѣкоторыя, какъ замѣчено выше, случайно очерчены уже потомъ кинноварными линіями, какъ на лл. 101 и 153, въ снимкѣ 40 и съ л. 153. Съ видимымъ расчетомъ на симметрію и единство въ цѣломъ, представляютъ заставки въ рамкахъ на лл. 41 и 87, въ снимкахъ 34 и 37; но въ первой единство зависитъ только отъ помѣщенія человѣческой фигуры посреди набросанныхъ въ беспорядкѣ листовъ,

DK 3

и только во второй заставкѣ мастеръ догадался сгруппировать листву въ букетъ, но выбралъ для нея самые неудачные экземпляры. Обѣ рамки четырехугольныя, массивной работы, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ для картинъ. Одна изъ нихъ по черному фону украшена, согласно принятой въ рукописи орнаментаци, желтыми пучками травы, другая — по синему фону, будто по мрамору съ бѣлыми жилками, тоже въ стилѣ прочихъ украшеній, убрана внизу бѣлыми вѣточками, сплетенными въ гирлянду; эту синюю рамку окружаетъ другая, черная съ желтыми крапинами и пятнами, на манеръ тоже мрамора. Хотя обѣ онѣ тяжелы и неуклюжи, но существенно отличаются отъ общепринятыхъ въ нашей рукописной орнаментаци тѣмъ же натурализмомъ, который господствуетъ во всей рукописи.

10. Только дважды сдѣлалъ мастеръ отступление отъ усвоеннаго имъ орнамента изъ травъ и допустилъ изображеніе человѣческой фигуры, именно на л. 41, въ снимкѣ 34, въ упомянутой выше заставкѣ и въ соответствующей ей заглавной буквѣ *Б*. Въ Описаніи Троицкихъ рукописей первая фигура названа Соломономъ, а вторая Давидомъ. Обѣ эти фигуры, какъ и двѣ другія во второй половинѣ рукописи, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, отличаются своимъ иконописнымъ и живо-

*

писнымъ стилемъ отъ фантастическихъ сплетеній съ изображенными человѣческими фигурами въ орнаментѣ тератологическомъ. Что касается до особенностей въ типѣ Давида, состоящихъ въ вѣнцѣ на образецъ шишава и въ отсутствіи сіянія, или нимба, то эти особенности его типа встрѣчаются и въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ русской старины ¹⁾. Соломонъ, тоже безъ сіянія, отличается отъ Давида отсутствіемъ бороды и колпакомъ на головѣ. Кроме того сверхъ подира на немъ верхнее одѣяніе съ рукавами, которые короче и шире, чѣмъ обыкновенно у насъ въ старину принято.

11. По общему распредѣленію и по подробностямъ, состоящимъ изъ листы, окружающей человѣческую фигуру, эта заставка принадлежитъ къ одному стилю съ заставкою, которою начинается знаменитая Геннадіевская Библия 1499 г., хранящаяся въ Синодальной библіотекѣ ²⁾. Но Троицкая—представляетъ только одни разрозненные элементы, даже разбросанные какъ ни попало, съ намѣренными искаженіями формы листовъ, для нестроты рас-

¹⁾ Напр. въ миниатюрахъ, которыми, по древнему обычаю, пронописецъ украсилъ поля старопечатной Псалтыри съ возсѣдованіемъ 1628 г., въ моемъ собраніи.

²⁾ Снимокъ смотр. въ моей монографіи, помѣщенной въ *Материалы для исторіи писменъ*, изд. къ столѣтнему юбилею Моск. Универс. 1855 г., табл. 15.

крашенныхъ разными красками, между которыми на одномъ изъ нихъ, будто на кониѣ, сидитъ человѣческая фигура. Напротивъ того заставка Геннадіевской Библии имѣеть видъ какъ бы цѣльной картины. «По золотому фону изъ одного корня идутъ четыре вѣтви зеленаго куста: двѣ крайнія широко раскидываются по обѣ стороны съ своими цвѣтами и листвою, а двѣ среднія образуютъ овалъ, въ которомъ на сѣдалищѣ возсѣдаетъ Моисей передъ столомъ и пишетъ книгу. При корнѣ этого куста изображена какая-то красная масса, которая въ видѣ пламени расходится красными же лучами, подернутыми по концамъ серебромъ, будто языки пламени: подробность, можетъ быть намекающая на неопалимую купину»¹⁾. То, что въ троицкой заставкѣ остановилось только въ смутныхъ, невыясненныхъ зачаткахъ, то при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но съ меньшею смѣлостью въ попыткахъ къ натурализму, дало болѣе прочные результаты, оправдашіеся живучестью въ ихъ послѣдующемъ развитіи.

И такъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, что въ украшеніяхъ первой половины описываемой мной рукописи XV вѣка повѣяло такииъ новымъ духомъ, о которомъ до

¹⁾ Смотри далѣе подробности въ той же моей рецензіи, помѣщенной въ «Критическомъ Обозрѣніи», о которой упомянуто выше.

тѣхъ поръ въ нашей старинѣ и намека не бывало, да и потомъ не осталось отъ него никакого слѣда. Это было явленіе исключительное, стоящее особнякомъ отъ прото-ренной дороги общаго теченія. Непосредственно ли изъ природы черпалъ орнаментистъ свои сюжеты, или, по обычаю нашихъ старинныхъ мастеровъ, онъ перелистывалъ западныя инкунабулы съ такъ называемыми «кунштами», и какой нибудь лицевой гербарій или лѣчебникъ надумилъ его воспользоваться для рукописнаго орнамента новыми, болѣе натуральными формами растительнаго царства, во всякомъ случаѣ въ его работѣ нельзя не признать самостоятельной личности, которая въ длинномъ рядѣ попытокъ пробуетъ свои силы на новомъ, дотолѣ неизвѣданномъ поприщѣ. Можетъ быть не онъ одинъ въ то время пролагалъ себѣ новую дорогу, и немудрено, что между южно-славянскими рукописями той же эпохи найдутся и другіе столько же необычайные орнаменты, такъ какъ наша старина далеко еще не изслѣдована вполнѣ; но и теперь уже, при наличныхъ нашихъ свѣдѣніяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ украшеніяхъ первой половины Троицкой рукописи исторія славяно-русскаго искусства заноситъ на свои страницы тотъ громадной важности фактъ, что въ XV вѣкѣ въ средѣ рутинной школы преданія могла уже народиться и съ энергіею проявить себя

свободная личность художника. Но такое явление было преждевременно. Новизна, выходящая из ряда вонъ, не была признана и не могла увлечь за собою послѣдователей. Для своего времени она развѣ имѣла только тотъ смыслъ, что протестовала противъ господствовавшаго до толѣ орнамента тератологическаго, который за выслугою лѣтъ долженъ былъ быть замѣненъ другимъ, но такимъ, который, не продолжая дальнѣйшаго развитія узорочья украшеній XIV вѣка, все же основывался бы на преданіи, и вмѣсто живописныхъ формъ свободного творчества усвоилъ бы себѣ тотъ же принципъ условной стилизаціи. Для этого слѣдовало только очистить раннія византійскія основы орнамента отъ внесенныхъ въ него тератологическихкихъ сплетеній и произвести въ исторіи орнамента эпоху возрожденія византійскаго стиля, хотя и при нѣкоторыхъ новыхъ художественныхъ приемахъ. И возрожденіе это тѣмъ легче можно было совершить, что византійскія основы преданія и въ орнаментѣ, какъ и въ иконописи, не прекращали своего бытія, и шли рядомъ съ тератологическими узорочьями, особенно въ письменности южно-славянскои, состоявшей въ большей связи съ греческою.

Таковъ именно орнаментъ XV вѣка во второй половинѣ Троицкой рукописи. Греко-южно-славянское происхожденіе его опредѣляется, какъ показано, южно-славян-

свимъ правописаніемъ и погреченною школою письма, состоящаго въ связи съ послѣсловіемъ, писаннымъ по гречески.

Въ общихъ очеркахъ и въ главнѣйшихъ подробностяхъ это тотъ же самый орнаментъ, образцами котораго изъ разныхъ рукописей исчерпывается весь XV вѣкъ исторіи русскаго орнамента въ извѣстномъ великолѣпномъ изданіи г. Бутовскаго, на девятнадцати таблицахъ L—LXVIII, въ которыхъ по стилю слѣдуетъ отнести еще четыре таблицы, LXXXV—LXXXVIII, съ украшеніями XVI вѣка, вѣроятно первой его половины, такъ какъ двѣ изъ этихъ таблицъ взяты изъ Евангелія 1535 г. Того же стиля смотр. въ Снимкахъ съ рукописей XV и XVI вв., г. Хрущова, въ Памятникахъ Древней Письменности выпускъ III, 1880 г., снимк. 1 и 2. Въ той же рецензіи, изъ которой я привелъ характеристику тератологическаго стиля, такъ опредѣляю я стиль орнаментации XV вѣка: «Хотя онъ происхожденія византійскаго и встрѣчается и въ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ греческихъ, но преимущественно усвоенъ онъ въ заставкахъ южно-славянскихъ и русскихъ рукописей, а также въ славянскихъ старопечатныхъ книгахъ, изданныхъ въ Венеціи, Браковѣ, Угровлахіи и въ южно-славянскихъ типографіяхъ, потому и имѣетъ право называться болѣе

болгаро-сербскимъ, или южно-славянскимъ, нежели византійскимъ. Съ перваго взгляда заставки эти напоминаютъ стиль тератологическій, особенно въ Угровлахійскихъ изданіяхъ: то же сплетеніе, только не змѣйныхъ хвостовъ, а решней и вѣтокъ; но звѣри, чудовища и человѣческія фигуры отсутствуютъ. Не одушевленные живыми существами, сплетенія эти можно бы было отнести къ тѣмъ раннимъ византійскимъ заставкамъ, изъ коихъ потомъ развился нашъ стиль тератологическій, мало-по-малу населяя переплеты изображеніями животныхъ и людей, если бы только этотъ болгаро-сербскій орнаментъ не усвоилъ себѣ однообразной господствующей формы вплетающихся другъ въ друга кружковъ, иногда очень туго стянутыхъ узлами, въ одинъ ярусъ или въ два, даже и въ три, и при томъ каждый изъ рядовъ или ярусовъ также другъ съ другомъ сплетаются. Иногда, но рѣже, заставка состоитъ изъ рѣшетокъ, образуемыхъ прямолинейными ремнями, которые однако по краямъ илигибаются, или же закругляются, переходя въ овалы. Что касается до заглавныхъ буквъ, то, согласно стилю заставокъ, онѣ состоятъ изъ ременныхъ же сплетеній, впрочемъ не всегда».

Въ этой характеристикѣ предложенъ только общій видъ орнаментации XV вѣка, въ главныхъ ея очертаніяхъ, которыя, за опушеніемъ живописныхъ подробностей и игры

колорита, не доступныхъ рѣзцу гравера, и могли только въ этомъ общемъ видѣ перейти изъ рукописи въ старопечатную книгу. При согласіи въ главныхъ очертаніяхъ, состоящихъ въ сказанныхъ кругахъ и рѣшеткахъ, рукописный орнаментъ существенно отличается отъ старопечатнаго именно тѣмъ, что наполняетъ и окружаетъ эти геометрическія фигуры разными подробностями, которыя расписаны красками и иногда золотомъ и серебромъ. Поэтому подробный разборъ заглавныхъ буквъ и заставокъ второй половины Троицкой рукописи долженъ дать болѣе полное понятіе о славяно-русскомъ орнаментѣ XV вѣка. Начну съ буквъ киноварныхъ, а о буквѣхъ расписныхъ буду говорить въ связи съ заставками, съ которыми онѣ состоятъ въ прямой зависимости, выраженной наглядно уже и тѣмъ, что онѣ писаны преимущественно только въ заглавіяхъ подъ заставкою, и потому число ихъ ограничено, тогда какъ буквы киноварныя встрѣчаются почти на каждой страницѣ рукописи, и иногда по нѣскольку, такъ какъ онѣ ставятся въ красной строкѣ каждаго абзаца.

1. Киноварныя буквы, не смотря на разнообразіе въ подробностяхъ, въ общей фигурѣ соответствуютъ обыкновенному въ славянскомъ алфавитѣ начертанію, нѣсколько видоизмѣняемому замѣчательно изящнымъ изви-

тіємъ линій и умѣреннымъ употребленіемъ традиціоннаго завитка съ листкомъ и столько же традиціоннаго дракона или змія, ведущаго начало отъ ранняго византійскаго орнамента, и наконецъ не менѣе традиціоннаго же чело-вѣческаго лица, восходящаго къ Остромирову Евангелію и Болгарскимъ рукописямъ XII ¹⁾). Смотр. въ снимкахъ: *А* л. 222, *В* л. 231, *Ж* л. 279, *З* л. 225, *И* л. 108 об. и знакъ препинанія или заключительный на концѣ страницы на л. 201; сверхъ того въ снимкахъ цѣлыхъ страницъ: *В* л. 213 об., въ снимкѣ 51, *А* л. 222 об., въ сн. 53. Фигуры буквъ въ одинъ киноварный тонъ вырѣзываются на полѣ бѣлой бумаги, какъ силуэты, чѣмъ онѣ уже по самому приему рисованья существенно отличаются отъ сквозныхъ очерковъ тератологическаго орнамента. Не смотря на сплошную манеру раскраски, киноварный зміи не только отдѣляется отъ киноварнаго же ствола съ вѣтками, но, какъ виноградная лоза, граціозно вьется вокругъ него, повиснувъ на немъ закинутымъ въ кольцо хвостомъ и спускаясь головою къ нижней вѣткѣ, на которую разѣваетъ свою пасть, между тѣмъ какъ надъ его головою фонтаномъ брызжетъ киноварная струя изъ одного изъ тонкихъ побѣговъ того же ствола, какъ это изображено

¹⁾ Подробности смотр. въ той же моеи рецензій, пмѣющей предметомъ книгу Виолле-ле-Дюка о русскомъ искусствѣ.

въ буквѣ *В* л. 231 (смотри снимокъ). Двухвостому змию, изображающему букву *З* л. 225 (смотри снимокъ), дано человеческое лицо въ профиль съ роскошнымъ гребнемъ на манеръ каски съ перьями, и все это, въ противоположность сплошной массѣ киноварныхъ хвостовъ, очеркнуто тонкими линиями по бѣлой бумагѣ, въ изящномъ рисункѣ. Не достаетъ только разноцвѣтной эмали съ золотыми перегородками, чтобы въ этихъ киноварныхъ фигурахъ видѣть полное возрожденіе лучшаго византійскаго стиля, дававшего орнаменту живописное подражаніе природѣ, впрочемъ подчиненное нѣкоторой типической стилизаціи.

2. Господствующую форму *з а с т а в о к ъ* составляютъ сказанные выше круги и рѣшетки, но есть также заставки въ видѣ полосъ или лентъ, жгутовъ и плетеноекъ, и одна на л. 211, въ снимкѣ 18, состоитъ изъ вѣтокъ съ цвѣтами въ перепутанныхъ гирляндахъ по золотому фону, окруженному, какъ картина, рамкою. Чтобы составить себѣ полное и точное понятіе обо всѣхъ этихъ орнаментахъ, я раздѣляю ихъ на три главныя группы, изъ которыхъ къ первой отношу полосы или ленты, жгуты и плетенки, ко второй круги и рѣшетки и къ третьей разноцвѣтныя вѣтки на л. 211, въ снимкѣ 18.

3. Особенно очевидно возрожденіе византійскаго орнамента въ *XV* вѣкѣ въ орнаментахъ первой группы, какъ

это явствуетъ изъ сличенія заставокъ Троицкой рукописи на лл. 5, 23 об., 245 об. и 241, въ снимкахъ 4, 6, 21 и 25, съ заставками византійскими X—XII вѣковъ, напр. въ упомянутомъ изданіи Вутовскаго въ таблицахъ VII, IX и XVІІІ. Возрожденіе это въ славяно-русскомъ орнаментѣ воспослѣдовало не путемъ возвращенія непосредственно къ тѣмъ раннимъ оригиналамъ византійскаго стиля, а при посредствѣ позднѣйшихъ греческихъ рукописей, которыя по преданію удерживали тотъ же ранній стиль, не только въ XIV и XV вѣкахъ, но даже и въ XVI, какъ это можно видѣть напр. въ Палеографическихъ Снимкахъ Архіепископа Саввы, табл. 14—17¹⁾. Въ этой группѣ обращаю вниманіе на заставку Троицкой рукописи на л. 239, въ снимкѣ 25, выведенную лентою изъ сплошныхъ плетенъ или жгутовъ, съ тремя рядами бѣленькихъ кружковъ, которымъ въ среднемъ ряду данъ видъ жемчужинъ: при этомъ подражаніе природѣ оказалось не только въ дырочкахъ, которыми жемчужины прикрѣплены къ лентѣ, но и въ живописномъ приѣмѣ дать рельефность каждой жемчужинѣ, отбѣнивши ихъ всѣ снизу зеленоватымъ отраженіемъ фона, на которомъ онѣ выступаютъ.

¹⁾ *Палеографическіе снимки въ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки.* Москва, 1863.

4. Во второй группѣ орнаментъ изъ круговъ или также сплетенныхъ оваловъ и изъ рѣшетокъ принадлежитъ къ тому разряду украшеній рукописей XV вѣка, который отличается сплошнымъ фономъ, переполненнымъ разными подробностями, а не сквознымъ рисункомъ, оставляющимъ подъ собою бѣлыя полосы и пятна писчей бумаги или ровный одноцвѣтный фонъ какой нибудь краски. Сверхъ того группа эта подраздѣляется на два отдѣла: къ одному принадлежатъ орнаменты геометрическіе, именно въ заставкахъ на лл. 6, 26 об., 207, 223, 200, 218, 250, 258, 270 об. и 266, въ снимкахъ 5, 8, 16, 19, 24, 26 и 27; къ другому—орнаменты съ подробностями живописными, въ заставкахъ на лл. 168, 188, 190, 204 об., 209, 238, 253, 181, 196, 232 и 247, въ снимкахъ 12, 13, 14, 15, 17, 20, 22, 23, 24 и 25. Этотъ послѣдній отдѣлъ особенно отличается сплошною массою подробностей, по которой располагается общій рисунокъ орнамента, и по своей оригинальности и изяществу составляетъ существенное дополненіе къ образцамъ XV вѣка, изданнымъ у г. Бутовскаго. Эту живописность при богатствѣ сплошныхъ фоновъ, можетъ быть, надобно приписать къ дальнѣйшимъ успѣхамъ искусства въ развитіи славяно-русскаго орнамента въ XV

вѣтъ, какъ переходъ уже къ новому стилю, принятому въ рукописяхъ XVI вѣка ¹⁾).

5. Потому заставка изъ разряда живописныхъ въ Троицкой рукописи имѣеть уже видъ не фантастическаго герба или загадочнаго іероглифа тератологическаго, а воспроизведенія дѣйствительной ткани, ковра или рогожки, иногда ситца или набивки мелкаго разноцвѣтнаго рисунка; напр. на лл. 168, 181, 188, 190, 204 об., 209, 238, 247, 273, въ снимкахъ 12, 23, 13, 14, 15, 17, 20, 25 и 27. Иногда эти лоскуты ковра или цвѣтной рогожки оторачиваются въ видѣ оборки изъ явнень, какъ на л. 188, въ снимкѣ 13, на тотъ же манеръ, какъ оторочены поручи обѣихъ руковъ на лл. 281 об. и 282, въ сним-

¹⁾ Въ предупрежденіе недоразумѣній, нахожу не лишнимъ замѣтить, что нѣкоторые остатки тератологическихъ формъ, какъ залежи старины, могли кое-гдѣ застрять въ русскомъ орнаментѣ не только XV вѣка, но и XVI, но уже въ позднѣйшей обстановкѣ стиля, принадлежащаго этимъ вѣкамъ. Такъ напр. въ Евангеліи XV вѣка, въ С.-Петербур. Публичной библиотекѣ, № 13, не только въ заставкѣ, но даже и въ книварныхъ букввахъ, смотр. у Бутовскаго, табл. LII и LV; въ Евангеліи 1544 года Боголюбова монастыря, смотр. снимки въ 1-мъ томѣ *Древностей Московск. Археологич. Общества*, 1865 г., табл. IV и V, со снимками буквъ; въ моемъ исковомъ лицевомъ Апокалипсисѣ XVI вѣка, помѣты главъ въ раскрашенныхъ снимкахъ въ изготовляемомъ мною изданіи о *Славяно-русскихъ лицевыхъ Апокалипсисахъ*, смотр. 8-ю копию красками.

какъ 57 и 58. Въ нихъ нѣстахъ можно догадываться будто мастерь съ наѣреніемъ даетъ звать, что онъ воспроизводитъ свою узорчатую ткань, какъ канку или карчу, на одноцвѣтной канвѣ, какъ въ заставкѣ на л. 190, въ снискѣ 14, которую онъ съ лѣвой стороны оторочилъ рядомъ мелкихъ петель пурпуровой нити, а съ правой пустилъ такой же рядъ ее оборванныхъ кончиковъ, съ нижняго же края заставки эти кончики онъ нѣсколько протянулъ, въ видѣ бахрамы, которую поднизалъ фигурками буквы S съ двумя черточками между каждой; что же касается до верхняго края, то онъ оторочилъ его оборкою изъ тѣхъ же языковъ. И такъ, во всѣхъ своихъ живописныхъ пріемахъ нашъ орнаментъ XV вѣка возвращается къ художественному стилю византійскому, который въ заставкахъ и заглавныхъ буквахъ воспроизводитъ геометрическія сочетанія мозаичныхъ полей и стѣнъ и мергородчатую эмаль ювелирныхъ издѣлій.

6. Въ противоположность тератологическому стилю, разноцвѣтная орнаментация второй половины Троицкой рукописи, такъ же, какъ и первой половины, пользуется сюжетами только изъ царства растительнаго, за исключеніемъ двухъ буквъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Господствующимъ элементомъ принять цвѣтокъ,

въ родѣ колокольчика, и какъ въ первой половинѣ рукописи мастеръ живописуетъ свой листъ и съ лица и съ изнанки, натурально перегибая его и отбѣняя изгибы, такъ и здѣсь цвѣтокъ, обыкновенно синій, писанъ не только съ наружной его стороны, но и съ внутренней, краснымъ или зеленымъ цвѣтомъ, насколько природа цвѣтка позволяетъ заглянуть внутрь его въ томъ положеніи, какъ онъ срисованъ. Иногда колокольчикъ красный, тогда его нутро — синее, встрѣчается и зеленый съ желтой подкладкою. Эти цвѣты наполняютъ заставку въ нѣсколько рядовъ, обыкновенно съ отверстіемъ колокольчика, обращеннымъ вверхъ, и только однажды внизъ; смотр. лл. 190, 204 об., 209 и 253, въ снимкахъ 14, 15, 17 и 22; въ заставкѣ на л. 168, въ снимкѣ 12, колокольчики замѣнены рядами трилистника; сверхъ того на лл. 209 и 253, въ снимкахъ 17 и 22, встрѣчаются между колокольчиками и чашки съ шишками, о которыхъ подробнѣе скажу сейчасъ. Особенно граціозно рисуется сказанный колокольчикъ на бѣломъ фонѣ бумаги, когда онъ, какъ подвѣска серги, свѣшивается внизъ на своемъ стебелькѣ, выходящемъ изъ загибающейся внизъ лиственной чашки, какъ напр. вверху съ лѣваго угла заставки на л. 204 об., въ снимкѣ 15. Кромѣ того допущены вѣтки и листы, а также и та

характеристическая шишка, поднимающаяся из лиственной чашки, которая потом принята была и в орнаментации наших старопечатных книг¹⁾. В Троицкой рукописи она введена, какъ показано, и внутрь заставки, а также помещается и снаружи, наряду съ другими формами, каковы цвѣтокъ, листъ, завитокъ и вѣтка,—и именно въ выступахъ по краямъ заставки, ведущихъ свое начало отъ орнаментации византийской. Въ своемъ развитіи эта фигура шишки представляетъ въ нашей рукописи слѣдующія видоизмѣненія. Во первыхъ, она является въ стилизованной формѣ, геометрическія очертанія которой удаляютъ ее отъ природы, какъ на лл. 6, 26 об., 200, 223, 239, 247, 250 и 273, въ снимкахъ 5, 8, 24, 19, 25, 26 и 27; во вторыхъ, согласно общепринятому стилю, уже въ натуральномъ видѣ чашки изъ листвы съ выходящею изнутри шишкою, которая покрыта или штрихами, или рѣшеткою, какъ на лл. 188, 196 и 232, въ снимкахъ 13, 24 и 25; и наконецъ, вмѣсто болѣе или менѣе стилизованной шишки, изъ такой же лиственной чашки выходитъ пирамидкою бучка ягодъ, можетъ быть слабое подобіе ви но-

¹⁾ Смотри. о происхожденіи и развитіи этой подробности, а также и стоящей съ ней въ связи виноградной кисти, въ той же моей рецензій, по поводу книги Виолле ле-Дюка.

градной кисти, напоминающее очень сходный съ этимъ рисунокъ въ раскрашенномъ орнаментѣ Гуттенберговой Библии по Майнцкому изданію 1455 года ¹⁾. Такая именно фигура помѣщена въ Троицкой рукописи на л. 211, въ снѣгѣ 18, въ одномъ изъ семи выступовъ заставки, идущемъ отъ середины лѣвой рамки; что же касается до прочихъ шести выступовъ, то они предлагаютъ рядъ вариаций той же вышесказанной шишки.

7. Я рассмотрѣлъ двѣ группы орнаментовъ въ заставкахъ; остается третья. Хотя въ нашей рукописи къ ней относится только одинъ экземпляръ, но онъ имѣетъ право на цѣлую отдѣльную рубрику, какъ по особенностямъ, отличающимъ его отъ прочихъ группъ, такъ и потому, что подобный же орнаментъ не рѣдко встрѣчается въ другихъ рукописяхъ не только XV вѣка, но XVI. Сверхъ того отличительный характеръ его стиля замѣчается, какъ увидимъ сейчасъ, и въ разноцвѣтныхъ буквахъ этой второй половины рукописи. И такъ представительницею третьей группы оказывается та самая за-

¹⁾ Снѣмокъ см. въ изданіи: Noel Humphreys, *A History of the art of printing*. London, 1867, въ таблицѣ 14. Виноградная лоза съ гроздіемъ въ довольно натуральномъ подражаніи стали распространяться въ готическомъ стилѣ въ XIII вѣкѣ. См. *Album de Villard de Honnecourt, architecte du XIII siècle*, par Alfred Darcel. Paris, 1858. снѣмокъ съ стариннаго оригинала на табл. LVI.

ставка съ семью выступами, на л. 211, въ снимкѣ 18, на которую только что было указано. Въ переплетенныхъ гирляндахъ изъ вѣтокъ, стеблей и цвѣтовъ, составляющихъ орнаментъ заставки по золотому полю, заслуживаетъ вниманія самая форма этой листвы и способъ сочетанія отдѣльныхъ ея частей въ цѣлыя гирлянды. Не смотря на разнообразіе въ развѣтвленіи и въ стебляхъ или побѣгахъ съ завитками, каждый изъ отдѣльныхъ членовъ этого листовнаго орнамента, отличаемый отъ другаго, съ нимъ соединяемаго, своимъ собственнымъ колоритомъ, имѣетъ въ общихъ очеркахъ форму трубы или рога, а иногда и колокольчика, состоящую въ постепенномъ расширеніи тонкаго стебля въ широкій раструбъ, какъ отверстіе трубы, обыкновенно отрѣзанное вровень, но иногда принимающее форму колокольчика съ овальною выкройкою лепестковъ. Это какъ бы рогъ изобилія, приравленный къ стилю рукописнаго орнамента. Такимъ образомъ гирлянда состоитъ изъ отдѣльныхъ колѣнцевъ, изъ которыхъ каждое отличается своимъ цвѣтомъ; а соединены они между собою такъ, что одно колѣно своимъ тонкимъ концомъ выходитъ изъ раструба другаго колѣна, и потомъ, расширяясь въ раструбъ, въ свою очередь служитъ вмѣстилищемъ для тонкаго конца еще новаго колѣна. Этотъ же самый стиль въ за-

ставкѣ XVI вѣка можно видѣть у Бутовскаго въ таблицѣ XCV; смотр. снимокъ внизу таблицы въ правомъ углу, а рядомъ и букву съ тѣми же колѣньями, выходящими изъ раструбовъ.

8. Разноцвѣтныя буквы съ золотою оправою вполне соответвуютъ и по стилю и по роскоши рисунка и колорита вышеописаннымъ заставкамъ. Мнѣ остается только указать въ буквахъ на тѣ же главнѣйшія примѣты, которыя уже были замѣчены мною въ заставкахъ, и именно въ тѣхъ, которыя я назвалъ живописными въ отличие состоящихъ изъ круговъ и рѣшетокъ, и прибавить къ этому еще нѣкоторые сличенія. Сначала замѣчу, что въ этихъ буквахъ принята та же манера, что и въ заставкахъ, производить впечатлѣніе обилія и роскоши густымъ наборомъ подробностей для сплошнаго орнамента, какъ это можно видѣть въ снимкѣ 23 въ буквахъ: *B* 196, *B* 178, *E* 176 об. и *C* 170. Изъ подробностей обращаю вниманіе на слѣдующія. Во первыхъ колокольчикъ, обыкновенно обращенный отверстіемъ внизъ, напр. въ *A* л. 5, сн. 4, въ *B* л. 190, сн. 14; иногда соединяются вмѣстѣ два колокольчика, одинъ отверстіемъ вверхъ, другой внизъ, на соединеніи подпоясанные перевязью: въ *D* л. 204 об., въ *A* л. 172, сн. 23, въ *B* л. 199, сн. 23. Во вторыхъ, колѣнья съ раструбами, складывающіяся другъ съ дру-

гомъ по способу, объясненному выше; напр. въ *B* л. 26 об., сн. 8, въ *K* л. 209, сн. 17, въ *B* л. 196, сн. 23, въ *C* л. 170, сн. 23; иногда изъ раструба, какъ изъ рога изобилія, выходитъ роскошная вѣтвь, какъ въ *B* л. 168, сн. 12; еще роскошнѣе изображенъ, въ *B* л. 188, сн. 13, рогъ изобилія, выходящій своимъ тонкимъ концомъ изъ колокольчика и выпускающій изъ своего раструба другой колокольчикъ, изъ котораго въ свою очередь выходитъ стебель съ листовою и цвѣткомъ. Въ третьихъ, замѣченные выше языки, изъ которыхъ, въ видѣ оборки, выведены бордюры заставки, можно видѣть, напр., въ *C* л. 170, сн. 23; еще лучше можно видѣть, какъ въ другихъ рукописяхъ бордюръ изъ языковъ окружаетъ очеркъ буквы; напр. въ Снимкахъ съ рукописей XV и XVI в. буква *П*¹⁾, или у Бутовскаго на таблицѣ XCV изъ рукописи XVI, тоже *П*. Въ четвертыхъ, разсмотрѣнная выше въ заставкахъ та форма шишки, которая отличается рѣшеткою, замѣчается въ украшеніи посреди колонки буквы *К* л. 209, сн. 17, и посреди же особенно роскошно убранной спинки той же буквы *C*, на которую только что было указано, л. 170, сн. 23. Есть еще одна подробность, очень замѣтная въ украшеніи буквъ, но ускользящая

¹⁾ Смотри ту же статью Хруцова въ «Памятникахъ древней письменности» 1880 года, выпускъ III.

отъ вниманія въ заставкахъ между болѣе рѣзкими, бросающимися въ глаза формами. Это полоска, составленная изъ трилистника, такъ что одинъ листокъ налагается на другой, оставляя только его крайній изъ трехъ оваловъ вырѣзь, а чтобы одинъ листокъ рѣзко отдѣлялся отъ другаго, они отличены своею краскою и очеркнуты золотомъ. Въ заставкѣ на л. 190, въ снимкѣ 14, такими полосками обведены всѣ четыре стороны; въ буквахъ же смотр. на столбикѣ буквы *B* л. 5, сн. 4; оба столбика буквы *П* сдѣланы изъ двухъ такихъ полосокъ, л. 6, сн. 5; въ буквѣ *A* л. 23 об., сн. 6, такъ же украшенъ прямо стоящій столбикъ, тогда какъ откосъ сдѣланъ изъ такъ называемаго рога изобилія; еще буква *W* л. 171, сн. 23. Наконецъ встрѣчается и дюжинная форма традиціоннаго орнамента изъ переплетенныхъ ремней и вѣтокъ съ побѣгами и завитками, принятая у насъ въ XV вѣкѣ; такова напр. буква *K* л. 223, сн. 19.

9. Родственную связь разноцвѣтныхъ буквъ съ винюварными выдають въ очень замѣтной очевидности слѣдующіе два случая. Во первыхъ, на л. 204 об., въ снимкѣ 15, подъ расписною изъ цвѣтныхъ колокольчиковъ буквою *Д* начертана еще заглавная буква, тоже *Д*, тѣмъ же пурпуромъ, которымъ тутъ же писаны вязь и скоропись. По общему очерганію пурпуровая буква близко подходитъ

въ разноцвѣтной, только нижній колокольчикъ замаскированъ снизу клиньями, а верхній, безъ вѣтки, болѣе похожъ на чашку, которой прямое подобіе находимъ въ другой разноцвѣтной буквѣ, именно въ *A* на л. 172, въ снимкѣ 23; что же касается до двухъ вѣтокъ въ нижней части пурпуровой буквы, то онѣ, соотвѣтствуя въ общемъ рисункѣ обѣимъ вѣткамъ расписнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ подробностяхъ напоминаютъ подобныя же нижнія вѣтки буквъ киноварныхъ, напр. въ буквѣ *B* съ указанными выше змѣемъ и фонтанчикомъ, на л. 231 (смотри снимки киноварн. буквъ). Во вторыхъ буква *B* на л. 178, въ снимкѣ 23, на половину писана красками и киноварью: одинъ колокольчикъ со стеблемъ — темнозеленый съ желтыми полосами и штрихами, а другой, ракурсъ, въ видѣ перемычки — киноварный, и вся нижняя часть есть не что иное, какъ фрагментъ одной изъ киноварныхъ буквъ, съ которыми сходные экземпляры смотр. въ снимкахъ. Такъ какъ, на основаніи выше приведенныхъ наблюденій, киноварныя и пурпурныя буквы и украшенія должны принадлежать той же рукѣ, которая писала и самый текстъ; то указанная тѣсная съ ними связь буквъ разноцвѣтныхъ, во всемъ согласныхъ съ заставками, дѣлаетъ очень вѣроятною догадку, что и всѣ эти превосходныя украшенія составлены не только въ одно время съ напи-

саниемъ рукописи, но и принадлежать къ художественнымъ досугамъ самого писца.

10. Мнѣ остается сказать о двухъ заглавныхъ буквахъ *Я* и *А*, изображенныхъ въ видѣ всадниковъ на лл. 207 и 211, въ снимкахъ 16 и 18. Здѣсь орнаментистъ переходитъ уже въ живописца, и настолько искуснаго, что имѣетъ право занять видное мѣсто въ исторіи нашей иконописи, какъ по своему изящному мастерству, такъ и по нововведеніямъ, которыми онъ нарушаетъ принципы нашего иконописнаго преданія. Въ Описаніи Троицкихъ рукописей оба всадника названы просто воинами. Но между ними та существенная разница, строго соблюдаемая въ нашей старинной иконописи, что первый всадникъ безъ сіянія, а второй — въ красномъ сіяніи вокругъ головы: такъ что въ этомъ послѣднемъ надобно видѣть или олицетвореніе изъ ряда тѣхъ аллегорическихъ фигуръ, которыя въ древнихъ памятникахъ византійскаго искусства были отличаемы сіяніемъ, или же скорѣе ангела, и тѣмъ болѣе потому, что эта фигура означаетъ букву *А*, которою начинается слово *Ангель*, и какъ бы живописно означаетъ собою это понятіе; а такъ какъ словомъ *Ангель* въ текстѣ поименованъ *Архангелъ* Гавріилъ, то въ этомъ крылатомъ воинѣ можно видѣть и типъ архангела.

Во вторыхъ, воинъ просто протягиваетъ свою лѣвую руку съ раскрытой ладонью, тогда какъ крылатый всадникъ простираетъ благословляющую десницу, какъ лицо, уполномоченное на то священнымъ саномъ. Впрочемъ описатель или описатели Троицкихъ рукописей имѣли полное право удержаться отъ сказаннаго предположенія, на томъ основаніи, что въ этой фигурѣ все, начиная отъ костюма и до атрибутовъ, противорѣчитъ не только принятому типу архангела, но и вообще преданіямъ нашей иконописи. Вопервыхъ этотъ Пегасъ съ крыльями; потомъ на древкѣ, оканчивающемся золотымъ крестомъ, бунчукъ изъ конскаго хвоста, такой же, какъ и у другаго воина ¹⁾; далѣе—крылья всадника и по формѣ и по колориту отступаютъ отъ усвоенныхъ въ нашей иконописи ангеламъ; наконецъ обимъ всадникамъ дана такая принадлежность костюма, которая, будучи чужда нашей старинѣ, относится къ обычаямъ западнымъ: это именно перья на шапкахъ. И само собою разумѣется, что такой формы шапка съ перьями была бы особенно неумѣстна на головѣ архангела. Тѣмъ не менѣе

¹⁾ Въ нашей старой иконописи принята на стягахъ или знаменахъ челка, а не бунчукъ. Смолр. между миниатюрами, украшающими «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ», по изд. Срезневскаго, на изданіи Археографической Комиссіи, С.-Петербург., 1860, стр. 58.

эту фигуру мастеръ относилъ къ святочтимымъ лицамъ, снабдивъ ея священными атрибутами—золотымъ четверо-конечнымъ крестомъ на древкѣ знамени, сіяніемъ во-кругъ головы и благословляющею десницею, и если онъ хотѣлъ написать ангела или архангела, то въ своихъ артистическихъ замыслахъ слишкомъ смѣло нарушилъ живописное преданіе чуждыми ему нововведеніями. Не буду распространяться объ изяществѣ обѣихъ этихъ миниатюръ, замѣняющихъ буквы, ни о натуральности и живости въ движеніяхъ и поворотахъ фигуръ, ни о дру-гихъ качествахъ рисунка и колорита. Замѣчу только одну живописную подробность, съ которой вообще не умѣли ладить наши старинные мастера, но которая исполнена здѣсь съ видимымъ вниманіемъ и съ значи-тельнымъ успѣхомъ: это именно болѣе правильное, под-ходящее къ натурѣ воспроизведеніе кисти руки, въ ея различныхъ видахъ, когда она распростирается ла-донью, сжимается въ кулакъ или когда протягиваются и сгибаются пальцы. Какъ кажется, по возможности правильное изображеніе оконечностей рукъ и ногъ, въ ихъ различныхъ положеніяхъ и въ ракурсахъ, какъ задача вѣка, занимало украсителя нашей рукописи. Это видно на л. 245 об., въ снимкѣ 21, изъ набросанныхъ на нижнемъ полѣ страницы этюдовъ отдѣльныхъ рукъ и

ногъ, съ намѣреніемъ придать имъ разныя положенія и ракурсы, даже до того, что одна ступня нарисована со стороны подошвы. Выше уже замѣчено, что рисунки эти, писанные пурпуромъ, виѣствъ съ находящеюся подлѣ нихъ вязью того же цвѣта, должны принадлежать одной и той же рукѣ. Къ сказанному слѣдуетъ присо-
вокупить, что и другія рукописи XV вѣка въ своихъ орнаментахъ допускаютъ довольно правильное начертаніе благословляющей десницы, наприм. въ одной изъ буквъ на табл. LX въ изданіи Бутовскаго. Эта подробность относится къ сюжетамъ, которые, за паденіемъ стилиа тератологическаго, были вызваны у насъ возрожденіемъ византійскаго орнамента, который уже въ VIII столѣтіи предлагаетъ намъ въ заглавной буквѣ *E* благословляющую десницу ¹⁾. Такимъ образомъ въ исторіи нашего искусства съ византійскимъ возрожденіемъ совпадаютъ попытки къ натурализму.

Сравнивая между собою живописные приемы въ украшеніяхъ той и другой половины Троицкой рукописи, подробно мною разобранные, мы замѣчаемъ въ обѣихъ тотъ же художественный стиль значительно развитого

¹⁾ См. мою монографію въ «*Матеріалахъ для исторіи искусства*», изданныхъ къ столѣтію юбилею Московск. Университета, Москва, 1855, табл. 2.

искусства въ наблюденіи рельефности и въ некоторой перспективѣ ракурсовъ, при видимой наклонности мастеровъ къ воспроизведенію натуральныхъ формъ природы, какъ въ рисункахъ, такъ и въ колоритѣ, съ переливами тоновъ изъ одного въ другой, съ свѣтотѣнью и штрихами. Только мастеръ первой половины, располагавшій бѣднымъ колоритомъ, всѣ свои силы устремлялъ къ подражанію природѣ въ рисунокѣ и тѣняхъ, со всею наивностью первыхъ попытокъ смѣлаго новатора, тогда какъ мастеръ второй половины, твердо коренясь на почвѣ многовѣковаго преданія византійскаго, при новыхъ художественныхъ средствахъ своего времени ставилъ себѣ задачей возрожденіе древняго изящества византійскаго орнамента во всемъ блескѣ его колорита и съ натуральностью въ той только мѣрѣ, въ какой орнаментъ допускалъ натуру въ свои искусственныя стилизованныя формы. Потому подъ каждымъ украшеніемъ нашего мастера XV вѣка, какъ бы оно ни казалось оригинальнымъ, можно усмотрѣть стилизованную подкладку, выработанную въ теченіи многихъ столѣтій на почвѣ византійской; напр. вышеупомянутые языки, принаровленные къ бордюру въ видѣ оборокъ, ведутъ свое начало отъ полосъ какой-то листвы съ вырѣзами въ орнаментѣ византійскомъ уже VIII вѣка, равно какъ и

